

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. П. ПУСТОВИТ

ОПАСНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Все началось с того, что трое десятиклассников Петропавловской одиннадцатилетней школы № 2 увлеклись не выпивкой и не девочками, а отечественной историей. Николай Игошин, сын бывшего секретаря Камчатского обкома партии. Не рядовым служащим Петропавловского гортопсбыта был родитель Александра Филимонова. Мой отец тогда занимал должность начальника управления местной промышленности Камчатского облисполкома.

Сначала мы просто сдружились (наверное, характерами дополняли друг друга), потом появились общие интересы, очень скоро преобладающими среди них стали политика и история. К выпускному классу мы уже довольно сносно разбирались в культе личности И. В. Сталина, внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Не говоря уже о современной политике компартии и правительства во главе с Н. С. Хрущевым. К нему самому мы поначалу относились неплохо как к разоблачителю сталинской деспотии, но чувствовали, что он многое в *открытой* печати не договаривает.

Содержание его доклада на специальном заседании XX съезда КПСС мне было известно в пределах закрытого письма ЦК, которое доводилось в 1956 г. до рядовых коммунистов. Те же, пользуясь наступившими послаблениями, пересказывали сенсационные факты непартийным лицам, в том числе своим домашним. Кстати, я узнал о деяниях Сталина и Берии вовсе не от отца, а от знакомых, не удержавшихся, чтобы не удовлетворить редкое для подростка политическое любопытство.

В декабре 1956-го, как реакция на венгерские события, в обкомы и крайкомы было разослано (опять-таки закрытое) Письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Обсуждалось оно на партсобраниях в январе 1957 г. Как проходило обсуждение, я узнал спустя сорок лет, работая директором бывшего партийного архива Камчатского обкома КПСС.

В протоколе собрания первичной партийной организации Милюковского райкома КПСС от 5 января значилось: «Письмо ЦК относится к нашему району, так как и у нас есть отдельные проявления хулиганства, безыдейности, а подчас и враждебного отношения. В Лазо на лесовозной дороге в прошлом году дважды появлялась враждебная надпись. Во время выборов 16 декабря 1956 г. в пос. Центральный было три случая отказа от голосования... Коммунист

Забелин сколотил вокруг себя группу недовольных. К участию в самодеятельности иногда привлекаются недостойные люди... Нужно обратить внимание на воспитание молодых специалистов, мы ими интересуемся только на работе, а часть из них увлекается преферансом, анекдотами, вечеринками. Мало проводится воспитательной работы в учительской среде. В селе функционирует религиозная секта, а о ее деятельности почти ничего неизвестно...» [1].

Коммунисты Центральной Петропавловской сберкассы высказывались 9 января. Некто Т. поделилась с товарищами по партии такой мыслью: «...каждая война оставляет ненормальные последствия, особенно среди малодушных элементов» [2]. Партийка призвала усилить бдительность в отношении клиентов, привела пример с гражданином Осиповым, «который явился в сберкассу в нетрезвом виде, и когда ему не выдавали вклад, он в присутствии многих посетителей хвастал порядками Америки, что, якобы, там дело обходится без сберкассы и т. д., однако никто из присутствующих не мог его одернуть, вызвали милицию, но никто не явился, и пришлось отступить и выдать деньги по книжке» [3]. Другой выступающий заявил, что решение XX съезда о культе личности «не всеми было правильно воспринято, вражеские элементы этим воспользовались и стараются ввести в заблуждение советский народ...» [4].

11 января на закрытом партсобрании в Главкамчатрыбпроме говорилось: «Последнее время у нас наблюдаются случаи злобной дискредитации нашей советской действительности. У нас в аппарате не наблюдались и не наблюдаются случаи злобно настроенных элементов, но у нас есть еще беспечные люди, проявляется слабость... Надо повышать бдительность в стенах самого главка. В выступлениях наших товарищей критики очень мало, а если она и есть, то носит злобствующий характер» [5]. Один из ораторов заметил: «Вы обратили, видимо, внимание, что после XX съезда, и особенно после Письма ЦК КПСС о культе личности, больше появилось нездоровых разговоров, чем до этого...» [6].

В тот же день прошло собрание в тресте «Камчатморгидрострой», на котором будущий председатель облисполкома Н. А. Синетов дал свое толкование обсуждаемым вопросам: «Нездоровые настроения порождаются несвоевременным оформлением нарядов за выполненные работы, большие недовольства у рабочих имеются из-за отсутствия воды, в общежитии холодно...» [7].

15 января 1957 г. Б-в, состоящий на учете в парторганизации 1-го отделения милиции г. Петропавловска, заявил: «В нашем городе есть элементы с антисоветским настроением. Мы должны эти настроения и высказывания в корне пресекать» [8].

...Источниками расширения моего историко-политического кругозора, как и Н. Игошина с А. Филимоновым, были стенографические отчеты партийных

съездов и конференций 1917—1929 гг., справочная и иная литература периода НЭПа, передачи западных радиостанций, особенно «Свободы», вещавшей из Мюнхена. «Свободу» я слушал по ночам с наушниками, чтобы не беспокоить домашних, а наутро, в школе, делился свежей информацией с друзьями. Естественно, не высыпался. Однажды заснул прямо на уроке, и разбудил меня крик «химозы», супруги прокурора, которая впервые столкнулась с таким оскорбительным отношением к своему предмету (и — главное — к себе). Она имела громкий, хорошо поставленный голос и вела уроки, в общем-то, интересно.

Передачи радиостанции «Свобода» были посвящены сталинским концлагерям, голоду 1930-х гг., в том числе на Украине, правой, бухаринской, и левой, троцкистской, оппозициям в ВКП(б); как-то, по-моему, в 1961 г., я услышал голос еще живой тогда вдовы Л. Д. Троцкого.

Передачи делались эмигрантами, причем, на весьма неплохом профессиональном уровне (говорю, как проработавший на областном радио почти полтора десятка лет), и у молодого человека, прослушавшего хотя бы одну из них, могли появиться сомнения в правдивости официальной истории страны и правильности современного политического курса КПСС и советского государства. Нередко лагерная тема подавалась в форме литературно-музыкальных композиций, иногда — поэтических. Читалась по «Свободе» и проза не известных нам авторов из соотечественников. Порою то и то шло вперемишку. Помнится, после чтения главы из какой-то повести про лагерь, кажется, — как заключительный аккорд — на фоне музыки прозвучало:

*Об этом расскажет на свете
Гуляющий по миру северный ветер...*

Между прочим, любопытные жители Камчатки вовсю «ловили» зарубежное радио, вещающее на русском языке, еще в середине 1950-х гг. Из постановления партсобраний на Озерновском рыбокомбинате: «Рабочие, коммунисты, имея собственные радиоприемники, слушают империалистическую пропаганду радиостанций “Голос Америки”, “Би-Би-Си”, “Свободная Европа” и под влиянием враждебной пропаганды неправильно оценивают обстановку и истолковывают ее» [9]. То же самое — в селениях Лазо и Щапино Мильковского района [10].

Простудировав книгу советского литературоведа и критика, члена КПСС с 1939 г. Л. Плоткина «Партия и литература» (Л., 1960), я взялся за поиски художественных произведений и статей в различных периодических изданиях, которые считались идейно порочными либо ошибочными. Естественно, книги такого рода были недоступны, зато кое-что, например роман «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева или поэму Семена Кирсанова «Семь дней недели», можно было найти в журнале «Новый мир» за 1956 г. Позднее

мне удалось купить в «буках» сборник «Литературная Москва» № 2, выпущенный в том же «знаковом» году и ставший сразу же библиографической редкостью. В «Новом мире» и указанном сборнике я находил стихи и прозу с явным диссидентским душком (впрочем, слово «диссидент» из другого времени — 1970-х гг.). Яков Аким писал в стихотворении «Галич»:

*Там возвеличивались, меркли
Районной важности царьки,
Поспешно разбирались церкви
И долго строились ларьки...*

Так что книга Плоткина «Партия и литература» явилась для нас в 1960—1962 гг. своеобразным компасом в то время, когда мы только начинали критически осмысливать окружающую нас действительность и советское прошлое.

Позднее я приобрел еще одну книжечку А. Носова «В. И. Ленин о партийности литературы», изданную МГУ в 1960 г. И здесь, на 62-й странице, нашел партийную оценку романа В. Дудинцева: «Эта книга не проникнута заботой об устранении подмеченных писателем недостатков в нашей жизни. Автор умышленно сгущает краски. Он как бы злорадствует по поводу недостатков. Такой подход к изображению действительности есть не что иное, как стремление показать ее в извращенном виде».

Интересно, что бы сказали обо мне Плоткин с Носовым, если бы чудом просочилось на божий свет «Солнце изнутри»? (Будь я в 1956-м, подобно Дудинцеву, в зрелом возрасте и опубликуй свою повесть.) Нет, не проронили б печатно ни слова. Книга была бы тут же изъята отовсюду — будто ее не существовало вовсе. В XXI веке в России запрещают и изымают, насколько я знаю, редко; моя книга покамест доступна читателю. А вот столицей она замолчена, даже «литературными патриотами». Может, оттого, что они в последнее время испытывают ностальгию по советскому прошлому? Впрочем, «маленький человек» их особо не интересовал ни тогда, ни сейчас. Что ж, приходится довольствоваться интересом заграницы — того же Кембриджа (США) или Эдинбурга...

...Конечно, мы в начале 1960-х не могли не видеть, что «Не хлебом единым» далеко не шедевр, что «Семь дней недели» декларативны, что в том же «Галиче» насчет ларьков автор «загнул». Но ведь в первом и во втором случае поиски правды, а точнее справедливости, по сути, заканчиваются ничем — совсем, как в жизни. И насмешка, не более, всякие там передовицы в газетах.

*Мой друг уже читал с трудом
Сквозь суженные веки
Статью «Забота о простом
Советском человеке».*

А галичане, жители небольшого древнерусского города, были сродни нам своими глубокими раздумьями. Больше всего в «Литературной Москве» взволновал нас рассказ Александра Яшина «Рычаги». Так называет себя и своих товарищей, рядовых коммунистов, один из героев рассказа. Рычаги, за которые дергают директивные органы от райкома до ЦК.

Одной из самых нашумевших в середине 1950-х гг. в среде художественной интеллигенции была совместная статья двух авторов с безобидным (во всяком случае, не броским) заголовком «Об отставании драматургии и театра», напечатанная «в порядке обсуждения», как тогда с осторожностью называли полемику. В 1961 или 1962 г. я прочел ее и не понял, из-за чего так обругивает авторов партийная печать. Лет через пять снова освежил в памяти статейку и не сразу, но-таки уяснил, в чем дело.

«По-прежнему, — говорилось в статье, — время от времени те или иные руководители, основываясь на личных впечатлениях, накладывают “вето” на художественные произведения, пренебрегая общественным мнением, безапелляционно объявляя свое мнение единственно правильным...» [11]. То есть, «загодя» перечеркивалось мнение Хрущева и других высокопоставленных оценщиков, еще не взявшихся после Сталина за литературу и искусство (статья-то 1956 года). А под конец авторы вообще замахнулись на та-акое! «Надо... отказаться от непосредственного “руководства” сверху и предоставить театральному искусству широкое *самоуправление* (курсив мой. — В. П.). Какой должна быть форма этого самоуправления — это следовало бы обсудить. По-видимому, наиболее целесообразно было бы изъять вопросы искусства из ведения Министерства культуры и создать Академию искусств или даже Академию литературы и искусств. Эта форма организации, как показал опыт Академии наук, разумно сочетает методы руководства и самоуправления» [12].

Нет, в статье вроде бы не отрицались государственное руководство и контроль над театральным искусством, однако утверждалось, что руководство и контроль могут осуществляться как «непосредственно государственными предприятиями и учреждениями», так и «через общественные организации» [13].

Но это сейчас политические партии относятся к разряду общественных организаций. А коммунистические партийные органы все семьдесят с лишним лет сами являлись высшей государственной властью. Более того, товарищ Сталин недаром дал своей организации следующее определение: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий его деятельность» [14]. А что, собственно, представлял из себя «орден» в прошлые века? «Средневековая монашеская община католической церкви... под видом миссионерства служившая захватническим целям феодальных государей и папы. Ливонский

орден. Орден крестоносцев. Орден тамплиеров. Название некоторых тайных объединений, сообществ. Масонский орден» [15].

...Мы собирались у Александра Филимонова в деревянном доме № 86 по ул. Фрунзе. Обсуждали политические новости, прочитанное в книгах и журналах, спорили. «И критикуют, критикуют, критикуют все!» — подтвердила мать Александра на школьном родительском собрании, когда учитель истории С. спросил ее, откуда у нас столько отрицания. Сам он знал свой предмет поверхностно, и нам ничего не стоило при всем классе посадить его в лужу. Что мы и делали на потеху себе и другим. Обычно за это брался я. Но и Николай Игошин тоже. Его отец был не на шутку встревожен: его, опытного бойца идеологического фронта, сын ставит порою в тупик своим знанием «теневой истории» КПСС.

Сейчас, пожалуй, и не вспомнить в точности, чем именно ошеломлял родителя Коля. Возможно, этим: «Везде пишут о Разливе — там, скрываясь от “ищеек Временного правительства”, Ленин создал работу “Государство и революция”. Но ведь он жил в Разливе не один, а с Зиновьевым, они вместе создавали...» Возможно, вот этим: «Почему-то скрывают, что Крупская поддерживала “новую оппозицию”».

Тогда же нас с Н. Игошиным впервые обвинили в антисоветских высказываниях. Это выражение прозвучало из уст историка на том же собрании родителей с участием администрации школы. Защитила нас завуч Софья Балиловна Нагаева, объяснив наш нигилизм юношеской болезнью «левизны» (почти по Ленину!), дескать, ребята переболеют... Но выводы сделали: поменяли классного руководителя. Вместо либеральной математички Веры Дмитриевны Бачище с широким культурным кругозором поставили историка — бывшего офицера, учившегося заочно в пединституте.

Однако «переболеть» нам не дали два обстоятельства. Программу десятого класса растянули на два года (времени заниматься «демагогией» было предостаточно), а тут еще несколько обелил нас состоявшийся 17—31 октября 1961 г. XXII съезд КПСС, где культ личности Сталина критиковался уже более основательно, чем на XX-м, а в ночь на 31-е число бальзамированное тело диктатора вытащили из мавзолея и закопали у Кремлевской стены. Но это вовсе не означало реабилитацию «антиленинских течений внутри КПСС», в частности Троцкого.

В 1974-м в Ленинграде я купил сборник материалов Всесоюзного совещания историков 1962 г., где на заседании секции истории КПСС академик П. Н. Поспелов, отвечая на записку из зала («Студенты спрашивают, были ли шпионами иностранных государств Бухарин и другие, и что Вы нам посоветуете прочесть»), заявил: «...достаточно внимательно изучить документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были» [17]. Тираж сборника не превышал

5 000 экземпляров — по тем временам мизерный, и на Камчатке, насколько мне известно, в продаже этой книги не было.

Мы вычитали в начале 1960-х такое высказывание Л. Д. Троцкого: было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять с помощью советского или партийного съездов. Привожу цитату по памяти, потому не закавычиваю. Кажется, она давалась (с негативным, ясно, комментарием) в какой-то брошюре послесталинского времени со ссылкой на один из номеров «Бюллетеня оппозиции», который выпускался в изгнании главным врагом Сталина. Наш вывод: нечего надеяться на трансформацию современного политического режима в сторону демократии.

Сочинений Л. Д. Троцкого, изданных в СССР в 1920-е гг., никто из нас в глаза не видел. А вообще-то такая возможность у Николая Игошина могла возникнуть, если бы его мать привезла их с Командор. Она ездила туда как цензор с проверкой и обнаружила то ли в общественной, то ли в государственной кладовке или сарае целые залежи классиков ленинизма, но не полезных, а вредных, и среди них тома Троцкого. Их тут же сожгли, конечно. Но сам по себе случай уникальный, учитывая, что отец Коли Михаил Николаевич Игошин перед переходом в обком партии с 1941 по 1945 г. работал первым секретарем Алеутского райкома ВКП(б).

Впрочем, его биография не совсем типична для партработника. Родился в 1904 г. в Вятской губернии. Из крестьян-середняков. Окончил ветеринарный техникум и биофак Горьковского университета, после чего остался там в должности помощника директора по заочному обучению и по совместительству ассистента кафедры зоологии. В 1937-м, поступив в Арктический институт («Севморпуть»), направляется на Командорскую биостанцию зоологии, два года руководит бригадой по разведению морского бобра в неволе на острове Медном в качестве старшего научного сотрудника. Затем его, члена ВКП(б) с более чем десятилетним стажем, перебрасывают на партработу — сначала утверждают заведомо пропаганды и агитации Мильковского райкома. В 1948 г. М. Н. Игошин в той же должности, но уже в Камчатском обкоме, где в 1952-м становится третьим секретарем (по идеологии). И вдруг спустя два года переезжает в г. Салехард... директором зооветтехникума.

Что же случилось? Возможно, Коля что-то и говорил, а, скорее всего, нет, потому что я бы запомнил. Но если б произошло «что-то серьезное», тогда его отец навряд ли вернулся на Камчатку и стал первым директором заочного отделения Дальрыбвтуза. Хотя... кажется, когда я однажды упомянул фамилию Алексева с отрицательной окраской, мой школьный друг согласился со мной. А как раз в 1952 г. на Камчатке произошла очередная смена партийного руководства области, и именно В. И. Алексеев сел в кресло второго секретаря обкома. И они с Игошиным, видимо, не сработались. Ветеран обкома КПСС П. И. Давыдов в беседе со мной в конце 1990-х гг. заметил (явно

симпатизируя Михаилу Николаевичу), что это были противоположные люди и по характеру, и по интеллекту.

...В 1961 г. мы болезненно восприняли партийную критику произведений о наших сверстниках — повести Василия Аксенова «Звездный билет» и пьесы Виктора Розова «А, Б, В, Г, Д...», опубликованных в журнале «Юность». В следующем году этот самый популярный журнал в стране с тиражом до двух миллионов экземпляров буквально заполонили «звездные мальчишки», как их тогда именовала коммунистическая литературная критика, обвиняя в скептицизме, инфантильности и нигилизме. Старшее поколение заговорило о конфликте отцов и детей. И он отнюдь не был «надуман некоторыми писателями». Мы все чаще задавали себе и другим вопросы: «Кто виноват в преступлениях сталинского периода?» и «Где гарантия, что это не повторится?» Нам не устраивали ответы: «Култ личности», «XX и XXII съезды». Нам не нравились бесконечные перестройки и реорганизации в сельском хозяйстве, существование привилегированной касты (партноменклатуры), так называемой общественности, которая всегда поет с голоса КПСС и правительства, отсутствие бескомпромиссной критики, не взирая ни лица, в печати, надоедливая трескотня об успехах и замалчивание пороков социалистической системы.

Особенно раздражало то, что все, провозглашаемое коммунистической верхушкой, объявлялось истиной в последней инстанции. Александр Филимонов демонстративно закончил свое сочинение на выпускных экзаменах фразой: «Но истина мне — не сестра!» Филимоновская философическая фраза приобрела в стенах школы статус афоризма и живет, как ни странно, до сих пор, хотя школы № 2 им. Л. Н. Толстого давно нет. В 2007 г. ко мне подошел молодой человек и дословно привел ее, думая, что она принадлежит мне. Оказывается, кто-то из родственников этого молодого человека в 1960-е гг. учился в нашей школе. Я назвал фамилию друга.

А весной 1962-го переполох среди педагогов был, помнится, страшный. Мало того, что Александр так неординарно завершил сочинение, он вдобавок обильно сдобрил его первомайскими Призывами ЦК КПСС: «Все во имя человека, для блага человека!», «Всемерно развивайте общественное животноводство, повышайте продуктивность скота!», «Да здравствует наше родное Советское правительство!», «Братский привет трудящимся Федеративной Народной Республики Югославии!» [17].

Мы, кстати, все трое сошлись на том, что Югославия — и есть самое подходящее для нас, по-настоящему свободное государство, представляющее собой удачный симбиоз социализма и капитализма. И с него надо брать пример нашей стране. «Давайте улетим туда на воздушном шаре!» — как-то пошутил Александр Филимонов.

Иногда нас одолевали более близкие по территориальности мечты. Хорошо бы тут, на Камчатке, зажить как в Югославии. Взять власть, отделиться...

«Ты, Валентиша, — хлопал меня по плечу Николай Игошин, — возглавишь правительство, Фэ (прозвище Александра. — *В. П.*) будет командовать армией и флотом, ну а мне... мне дайте КГБ». «Нет, — смеялся я, — больше, чем на министра культуры, не потяну». Фэ в углу молча улыбался, вытянув на полу ноги в валенках и кутаясь в свою черную шубу. Он чаще философствовал, нежели предлагал нечто конкретное, но если предлагал, то мы с Колей всегда удивлялись смелости и оригинальности его мысли.

Добродушный с друзьями, Александр одним лишь грозным взглядом своих голубых глубоко поставленных глаз отпугивал тех, кто недолюбливал нашу троицу. Неприятеля предпочитали с нами не связываться, чувствуя в Филимонове силу и неустрашимость. Николай, увлекавшийся туризмом и поднимавший каждый день двухпудовые гири, бывало, померявшись в очередной раз с Филимоновым на руках и потирая их, восхищенно хмыкал: «Ну и силен, черт!» Александр никаким спортом не занимался и вообще не имел тяги к физическим упражнениям. Когда мы купались на «Запятой» — любимом с детства загородном месте летнего отдыха, и я, не умея плавать, попал на середине реки в яму, Фэ, не раздумывая, сиганул с берега в воду и моментом выдернул меня на мелководье. Я как сейчас вижу Александра в воздухе, в этом яростном прыжке, со сложенными лодочкой руками... Его никогда не покидало присутствие духа.

Но порой он рисковал попусту. Чтобы проверить себя на смелость, мы несколько раз забирались на крышу моего дома № 72 по ул. Ленинградской. И до того освоились, что летом 1962 г. у меня там была лежанка, где я между трубами готовился к поступлению в вуз, заодно загораю. Однажды, еще в школе, мы ходили по крыше, и А. Филимонов вдруг, приблизившись к ее краю (ну, наверное, сантиметрах в пятнадцати), присел на корточки. И стал смотреть вниз. У меня внутри все похолодело. Николай побледнел. Мы застыли на месте. Потом Коля тихо-тихо сказал: «Филя, иди к нам...» Александр распрямился, отшагнул назад и, обернувшись к нам, улыбнулся своей обычной добродушной улыбкой. После, на земле, и потом не раз мы нещадно ругали друга, а он молчал. О чем он думал, мы не знали. У меня и сегодня при воспоминании о том случае — мурашки по телу. Одно неосторожное движение и... Дом был четырехэтажный, а крыша — покатаю.

...В школьные годы Ленина мы не трогали. Он — единственный из вождей (не считая лидеров оппозиции), кто внушал нам доверие. Но вскоре оно сильно поколебалось. Брат Александра Вадим Филимонов, как-то встретив меня на КП, прямо на улице, едва разговор зашел об Ильиче, выдал самую невероятную информацию, какую я когда-либо слышал: и про любовниц его Александру Коллонтай с Инессой Арманд, и про сифилис, якобы подхваченный им в эмиграции, то ли в Лондоне, то ли в Швейцарии. Я долго переваривал услышанное, взвешивая «может быть — не может», и, в конце концов,

решил: а почему бы и нет? Все-таки незаурядная личность, где уж ему успокоиться на некрасивой и серенькой супруге. Трудно сказать, откуда у Вадима были такие сногшибательные сведения, но пахли они определенно заграницей. Хотя по «голосам» я ничего подобного не слышал.

Спустя десять с лишним лет мне то же самое (только без сифилиса) сообщил большой книгочей с улицы Курильской Юрий Алексеевич Щепоткин. Правда, он изъяснялся на сей счет несколько витиевато, неизменно повторяя: как это Крупская терпела их, особенно Коллонтай, которая была куда лучше своей соперницы Инессы Арманд. Проницательность домоседа и ужасного любителя чтения (он всегда говорил «прошел» вместо прочел) из народа ошеломила меня. Я ведь до Вадима Филимонова, сколько ни читал всяких книг о революционерах, в том числе брошюру П. Подляшюка «Товарищ Инесса», и, конечно же, воспоминания Надежды Константиновны — да еще полузапрещенного при Сталине издания 1934 г. — сколько ни читал, а ничего такого не заподозрил. А интеллигенты считают простого (малообразованного) русского человека темным и не способным шевелить мозгами!

Мы с Н. Игошиным поступили в Камчатский государственный педагогический институт, он на физико-математический, я на историко-филологический факультет. Фэ провалился в ДВГУ и загремел на три года в армию. Несмотря на колоссальную нагрузку по всем предметам, Николай и я продолжали пополнять свои знания по части истории и политики. Я всерьез занялся поэзией.

*А что требует масса,
Если брать ее в целом?
Мясо, масло
По сниженным ценам.*

Названные продукты питания с июня 62-го сильно подорожали (приведенные выше строки родились двумя годами позже), но смысл этой строфы в другом, — мол, толпа, в основном, тревоугодница.

Некоторые стихи были адресованы поколению отцов. В конце 62-го я выдал:

*Вы из слов высоких,
революционных прежде,
выжали все соки,
отдали невежде.
Чувства, совесть, разум,
что когда-то мучило,
продали за фразы,
взяв благополучие.
Зябло поколение,
а с трибун орали,
что живем мы в рае.*

*Горче нет печали:
вы дрожали слишком.
«Честные» молчали —
как-никак парткнижка.
Делали б все то же.
Нас за этот спор,
если б Сталин ожил,
вымели, как сор.
Если есть хорошее,
это нет, не прошлое,
и не настоящее,
чересчур кричащее.
Мы его руками
сделаем, как камень.
И начисто смоем
все тридцать седьмое.*

То же самое, по сути, утверждалось и в стихотворении, написанном в марте следующего года:

*Мы не кормим вас упрёком,
Что вы не свергли диктат.
В будущем недалеко
Пророчим ему закат...*

Одиннадцатая (ноябрьская, а 7-го исполнялось сорок пять лет Великому Октябрю) книжка «Нового мира» за 1962 г. пришла с «Одним днем Ивана Денисовича» Александра Солженицына и была буквально нарасхват, ее зачитывали до дыр: впервые в художественной форме рассказывалось о сталинском концлагере для политзаключенных. Журнал где-то достал и принес на пару суток Николай Игошин. Его отцу повесть (нынче ее обозначают рассказом) не понравилась. Ему самому, кстати, тоже. А мне стиль и лексика показались оригинальными. Не понял только, что это главный герой — крестьянский сын, человек неплохой, холуйничает перед *придурком* из интеллигентов, сумевшим и тут пристроиться груши околачивать. Тем более, что лопочет с себе подобными — «редко русские слова попадают, слушать их — все равно как латышей или румын» [18]. Блатные порой понятнее изъясняются.

Молодые начала 1960-х гг. в литературе (в тех же «Звездном билете» и «А, Б, В, Г, Д...») и в жизни щеголяли «своим» жаргоном. Наша троица не отставала от моды. И было лестно, что нас перед «предками» взял под защиту сам Чуковский — пушай, дескать... Перебесятся. Корней Иванович то ли не знал, то ли знал, но куражился... Эти наши словечки-то все, оказываются, из бандитского лексикона. *Чувак* — фраер, *чувиха* — женщина легкого

поведения. *Хилить* (идти) — оттуда же. *Клеить* (знакомиться) — там же [19]. Даже *пацан*, попавший в словарь Ожегова, числится по воровской части: вор-подросток; детдомовец; несовершеннолетний, вращающийся в воровской среде [20].

У нас в Камчатском пединституте был преподаватель, работавший некогда во Львове, где его и взяли: отсидел пять лет, в том числе сколько-то в тюрьме в одиночной камере. Ему как-то так сковывали руки, что аж срослись некоторые пальцы. А все, по его словам, из-за того, что он издевался над своими мучителями, добивавшимися, на какую еще из иностранных разведок он работает. «Говорю им на лихтенштейнскую. Такой страны не слыхали. Разворачивают карту — ищут. Находят. Матерятся. Опять бьют. Молодой был: шутил...» Да и взяли его за то же самое. Звонок на перерыв. Продолжает читать лекцию. Студенты беспокоятся: когда отпустите? «А когда он скажет», — показывает на портрет Сталина. И что же? Не успел кончиться перерыв, за ним уже приехали. Повезли домой делать обыск. Супруга: давно пора, мол, — антисоветский элемент. Я этот случай в 1992 г. ввел в рассказ «Дама червей», включенный потом в книгу «Солнце изнутри» [21].

Жил он в студенческом общежитии на втором этаже, где обитали многие преподаватели. Косясь на сожительницу за шитьем, он наставлял студентов: с женщиной, особенно близкой вам, никогда не ведите политических разговоров, говорите на их любимые темы, о любви там, о танцах, об одежде. Женщине нельзя доверять. Она все равно сломается, как бы ни любила вас... О солженицынской повести высказался так: «Это у него — как сейчас в лагере. Как тогда было, еще не написано». Послушав меня, задал только один вопрос: «Как вы думаете, почему в Латинской Америке так часты военные перевороты?» Я затруднился с ответом. «Мой вам совет — бросайте политику». Не послушался его, не бросил.

1 апреля 1963 г. на нашем курсе было организовано обсуждение речи Н. С. Хрущева на мартовской встрече с деятелями литературы и искусства. Сначала все шло как по маслу. Пара активистов из студентов целиком и полностью одобрила все, что наговорил он там, отчитывая «заблудших овец». Кто-то выкрикнул: «А Пустовит не во всем согласен с Хрущевым!»

Я вообще-то выступать не собирался. Но вышел, сказал, что в речи приведены два примера, посвященных модернистам. Евтушенко: приверженцы разных методов в искусстве погибли за кубинскую революцию. Хрущев: художник-кубист вел себя недостойным образом на Украине при немцах. Почему я должен непременно брать сторону Хрущева? Потому что он — руководитель партии и правительства? Да и мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые он так резко критикует, довольно интересная, познавательная вещь. И потом, Хрущев навязывает всем нам стихи Николая

Грибачева, полемизирующие с Евтушенко, но, видимо, он слабо разбирается в литературе и просто давит своим высоким положением.

По нынешним временам ничего особенного я не сказал. Да сейчас кремлевцы и не собирают писателей, чтобы поучать их. Но тогда все было по-другому. На курсовом собрании присутствовали трое преподавателей литературы. Их реакция на мое выступление: у П. Н. Богоявленского вырвался возглас удивления; А. Б. Живоглыдов предостерег: «Смотри, парень, как бы это не кончилось плохо для тебя!»; Н. А. Бондарева назвала меня антипартийцем.

26 июля 1963 г. я внезапно, будто кто-то толкнул меня, пробудился посреди ночи. В глазах — как сверкнула молния. Инстинктивно обнял свою подругу, которая, проснувшись, с недоумением попытывалась, что мне приснилось. К вечеру я поднялся к Филимоновым на Фрунзе и спросил: «А где Владик?» Мы с ним уговорились встретиться здесь перед моим отъездом во Владивосток. «В покойницкой...» — ответила за мать заплаканная женщина, ее приятельница. Мать братьев Филимоновых безмолвно лежала в другой комнате и не могла встать. Оттуда, держась за кухонный стол, показался отец с неподвижным лицом — как изваяние. Он тоже молчал...

Бог дважды уберег меня от страшного обряда похорон близких людей: Вадима Филимонова и Володи Науменкова. Оба раза меня не было в Петропавловске. В 1963-м на другой день после гибели В. Филимонова я уезжал морем во Владивосток, чтобы перевестись в ДВГУ (Игошин уже перевелся туда на историко-юридический факультет), но ничего из этого не вышло. Зато в столице Приморья повидался с наставником Николая Игошина анархистом Лукой Игнатьевичем Бубенцовым — очень интересным, начитанным человеком, показавшимся мне несколько радикальным: слишком уж ругал «коммунистов-грабителей народа».

В Петропавловск я вернулся к середине августа. Встречали меня Николай с Александром Филимоновым, отпущенным со службы на похороны брата. Потом мы все втроем пошли выяснять, что же случилось в ту роковую ночь 26 июля. Напарница убийцы не стала разговаривать на улице с нами всеми — пригласила нашего друга в барак, где обитала. Вышел оттуда Александр мрачнее прежнего, нам так ничего и не рассказал. И вообще речи об этом никогда потом не заводил. Отец братьев Филимоновых Дмитрий Павлович ходил в прокуратуру, чтобы возбудили уголовное дело против убийцы. Ему там что-то сказали, и он тоже не вспоминал больше ту особь женского пола, что убила сына.

Сколько лет прошло, уже нет в живых родителей Вадима, а многое по-прежнему неясно. Официальную версию огласил 19 октября 1963 г. на XX Петропавловской конференции ВЛКСМ начальник горотдела милиции т. Горелик: «Не так давно Филимонов Вадим Дмитриевич, инженер-механик ЖБФ, пьяный ввалился в квартиру... воспитательницы детского сада, которая,

проснувшись и увидев незнакомого мужчину, схватила со стенки охотничье ружье и прямым попаданием в сердце убила Филимонова наповал» [22].

По рассказам других лиц, в коммунальной квартире на нижнем этаже дома то ли № 19, то ли № 21 по ул. Ключевской находилось двое: та двадцатилетняя, что стреляла, и ее подруга постарше. Проник будто бы в квартиру В. Филимонов через окно, разбив окно (рамы двойные!). Значит, ждали, пока залезет, чтобы застреленный упал именно в жилище — самооборона, притом как бы от бандита. Не стала поднимать шума, звать на помощь, не выскочила на лестницу, а взяла оружие убийства и ждала... Потом прицелилась, он заслонил сердце рукой, пуля (или пули — у убийцы двустволка) пробила руку. Некоторые говорили, что, когда Вадим упал, стрелявшая закричала: «Я убила Р-ва!»

Это был один из двоих школьных товарищей, с кем проводил вечер убитый. Возможно, они специально подпоили его, и Р-в, по слухам, даже подсадил Вадима в окно. Р-в же утверждал, что никого он никуда не подсаживал и вообще на улицу не выходил, немного посидели, отметили его «дембель», Я-о (второй школьный товарищ) ушел домой, Филимонов — тоже, а он, хозяин, лег спать. Были разговоры, что этот Р-в не только знал убийцу, но и чуть ли не совершил над нею насилие накануне происшедшего. Но факт остается фактом: дело прекратили, не доведя до суда. (Ветеран рыбной промышленности Т. М. Кривоногов, живший в 1960-е гг. рядом, в однотипной двухэтажке на Ключевской, считает: убийство произошло, видимо, в доме № 17а.)

Остается добавить, что Вадим Филимонов не был любителем выпить. В 1962 г. закончил Дальрыбвтуз с красным дипломом, его уговаривали остаться преподавать, одновременно готовясь в аспирантуру. Отказался. Уехал с молодой женой на Камчатку. Вскоре родилась дочь. Работал некоторое время на рыбокомбинате им. С. М. Кирова, переехал в Петропавловск, устроился на жестянобаночную фабрику, где ему быстро дали, хоть плохонькую (в бараке), но-таки комнату. На производстве пользовался уважением. Умел ладить с людьми. Но о рабочих говорил: «И все же тупые они...»

Перед его гибелью мы несколько раз сталкивались в городе, и он повторял, выслушав очередную порцию добытых мною исторических сведений: «Бросишь — прокляну!» И посмеивался. Не понять было: шутит или серьез. Коммунистов не любил и не скрывал этого. Наверняка вел «антисоветские разговоры» не только со мной.

Однако разговоры разговорам рознь. Не представляю, как бы его притянули за «клевету на самого человеческого... на гениального из гениальных — основателя КПСС и советского государства Владимира Ильича Ленина». Как вообще задавать вопросы и выслушивать ответы о наложниках горячо любимого вождя, приобретенном им за границей сифилисе, который, по мнению медицинских светил, сначала бесподобно стимулирует мыслительную

деятельность и провоцирует колоссальный выброс интеллектуальной энергии, а затем начинается необратимый деградиционный процесс. Если, конечно, не лечить больного кардинально, по-настоящему. А в 1920-е гг. так лечить еще не умели. Впрочем, до сих пор точно неизвестно, болел ли В. И. Ленин тем, что ему приписывают.

В одном из архивных документов, рассекреченных уже в XXI веке, а именно — докладной записке об итогах оперативно-следственной работы по линии секретно-политического отдела управления госбезопасности НКВД на Камчатке за период с 1 ноября 1935 по 1 мая 1936 г. — дается краткий обзор следственных дел. Под номером 47 читаем: «Павлуцкий Иван, рождения 1907, житель с. Хайрюзово Тигильского района, беспартийный, в начале января месяца 1936 г. своей собаке присвоил имя ЛЕНИНА. Дело на Павлуцкого следствием заканчивается, по окончании которого дело будет передано на рассмотрение Спецколлегии Камчатского облсуда, о нем вышлем подробную спецсводку...» [23]. Но ни обещанной спецсводки, ни самого дела в архиве нет. Судьба тигильчанина, «надругавшегося» над вождем таким вот необычным способом, неизвестна. Скорее всего, чекисты просто-напросто убрали (уж у них-то методика отработана) без шума и человека, и его четвероногого друга, дабы ничего не напоминало о столь вопиющем факте.

...Спозаранку 20 сентября 1963 г. в нашей квартире по ул. Ленинградской № 72 зазвонил телефон. Звонивший представился сотрудником комитета госбезопасности капитаном Кожедеем и предложил мне явиться к ним в девять утра в «дом на Набережной». Капитан спустился к дежурному, едва тот сообщил о моем приходе, энергично поздоровался за руку. Мы поднялись к нему в кабинет. Минут через десять он назвал меня почему-то «стреляным воробьем». Говорил вполне служебным тоном, однако сквозь него пробивалась некоторая снисходительность. Я узнал, что спорить со мной здесь никто не собирается, услышал совет держать язык за зубами. «У нас за взгляды не судят, а вот за распространение...»

Вскоре в кабинет зашел непосредственный начальник капитана подполковник Яковлев, тоже в штатском... Круг обсуждаемых вопросов был небольшим. Помимо партийности литературы и искусства и культа личности Сталина, речь шла о моих исторических «трактатах», фотокарточках деятелей оппозиции. Я отпирался, говоря, что написал всего лишь одну работу «Ленинградское дело». Фотографий было штук десять-пятнадцать. Какие именно? Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. «А Смилга был?» — спросил Кожедей. Я посмотрел на него, кажется, усмехнулся: «Был...» «Кто снимал?» «Сам с Большой Советской Энциклопедии 1920-х гг. в читальном зале фотоаппаратом “Зенит-С”». (Не стану же я им называть Толю Кривоносова — самого длинного парня в классе и самого лучшего нашего фотографа. Я сам бы ни за что так четко не переснял; но книги с изображением поименованных деятелей

я носил к нему домой...) На обратной стороне каждой карточки содержались краткие биографические сведения. Капитан спросил, показывал ли я эти снимки в своей группе на факультете и кому именно. Я сознался: да, показывал, но кому не помню. «Когда вы их сделали?» — уточнил капитан. «В 1962 году, в октябре». «Да?» — не поверил Кожедей.

— А мы имеем сведения, что они имелись у вас еще в школе, — прищурился он.

— Нет, — соврал я, — кто-то неправильно вас информировал.

— А у вас дома нет Большой Советской Энциклопедии?

— Нет.

— У нас есть сведения, что они хранятся у вас дома.

Капитан раскрыл Уголовный Кодекс РСФСР.

— Не читали о хранении антисоветской литературы статью 70-ю?

— Нет!

— Посмотри. Пригодится в будущем.

«Антисоветская агитация и пропаганда», — прочел я название рекомендованной статьи. «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет» [24].

Затем капитан принялся выпрашивать о людях, которые могли повлиять на формирование моих неправильных убеждений. Я сказал, что не испытывал никакого влияния со стороны.

— А в туристическом лагере в Паратунке что был за старик? — последовало напоминание. Такого вопроса я не ожидал. «Как звать того старика, я сейчас не помню. Он сидел при Сталине пять лет и очень резко отзывался о Сталине. Другого ничего он не говорил», — отвечал я, умолчав, естественно, о его критике советской системы. Под конец капитан поинтересовался, какие взгляды у моих друзей Игошина и Филимонова. «Не знаю. А впрочем, это ваша работа, за это вам платят. Узнавайте». Капитан с подполковником переглянулись. «Э, да они порядком насобирали “материала” про нас...» — прормелькнуло у меня.

— Десять лет назад мы бы с тобой и не разговаривали! — повысил голос подполковник Яковлев и дал ясно понять, что, если я буду еще высказываться, то это плохо кончится не только для меня, но и для моего отца.

Справедливости ради следует отметить: никаким антисоветчиком я в тот момент не был. Удивляло, неужели мы, восемнадцатилетние парни, пред-

ставляем какую-то опасность для государства, успешно строящего коммунизм? Да, что-то критикуем, с чем-то не согласны, но ведь в главном сомнений мало. Действительно, разве, в противном случае, родились бы, к примеру, такие строки?

*Революция в России,
Словно тысяч вулканов взрыв!
Мир отживший, как мерин сивый,
Скалит зубы, почуяв обрыв.
Обожженная красным пламенем,
как бушлаты жестка и груба,
революция в горе не плакала —
не такая ее судьба.
Революция — это не блюдо,
что расколется в один мах.
Продолжается революция,
революция в наших сердцах!
И ее раскаленной лавой
одрахлевший мир будет смыт.
Революции слава!
Революция — это мы!*

Долгое время я обижался на отца за то, что ни словом не обмолвился о своем вызове в КГБ — мог бы уж сказать сыну, чего они там от него хотели... Позднее понял: вряд ли б это что-либо изменило, даже могло навредить ему. Ведь его служебное положение было тогда очень и очень шатким. Только что второй секретарь обкома В. И. Алексеев (кличка среди товарищей по партии «Бульдог»), опытный интриган и карьерист, «съел», предварительно опорочив, председателя облисполкома К. Е. Есауленко — яркую, независимую личность, который пытался, насколько это было возможно, освободиться от обкомовской опеки.

Со смещением Константина Евгеньевича Есауленко (1910—1987) начали избавляться от его сторонников. Мой отец принадлежал к ним. К тому же, являлся личным врагом Алексева, который еще в 1954 г. добивался его исключения из КПСС, а через семь лет настоял на снятии с должности начальника областного управления местной промышленности.

Через две недели после этого на 13-й областной партийной конференции, проходившей в конце сентября 1961 г., делегат от Елизовской районной парторганизации, заместитель управляющего трестом «Камчаткестрой», депутат облсовета Петр Артемович Пустовит подверг руководство обкома, и особенно Алексева, за «безудержное администрирование» и «избиение кадров». Мой отец, в частности, сказал: «Но сам он остается вне ответственности. Когда же он будет отвечать за провалы? ...Правильно у нас т. Алексева среди

актива называют “гробокопателем”. Может быть, это и грубо, но правильно. Он умудряется быть под дождем и оставаться сухим.

...У нас в обкоме КПСС существует самолюбование, закон — это я, а вы все остальные — ерунда. ...Лично т. Алексеев преследует меня восемь лет, постоянно берет под сомнение мои ошибки, представляет меня каким-то сомнительным человеком, а ведь он ни разу не поговорил со мной и не знает, кто я как человек. Я из рабочих, комсомол и партия меня воспитали, я уже в партии двадцать пять лет, больше, чем т. Алексеев. Был на фронте, вместе с бойцами военно-морского флота защищал Севастополь, я три раза был ранен, причем последний раз у меня была прострелена грудь вместе с партийным билетом, о чем знает т. Иванов Л. Т. (в 1954 г. первый секретарь Петропавловского горкома КПСС. — *В. П.*), который производил обмен партийных документов. Спрашивается, как может т. Алексеев брать меня под сомнение? Разве можно делить коммунистов на два сорта?» [25].

Выступление отца произвело большое впечатление на делегатов конференции. (Самые молодые из них через тридцать лет, когда я стал директором архива, подходили — спрашивали, не сын ли я того Пустовита, который...)

В. И. Алексеев, делавший доклад о проекте Программы КПСС, мог вполне провалиться на выборах и членов обкома, и представителей камчатской коммунистической организации на XXII съезд партии. Но, как мне рассказывали бывшие работники обкома, этого не допустил первый секретарь областного комитета КПСС М. А. Орлов. Он побеседовал с коммунистами «по делегациям» (ну, совсем, как когда на XIII съезде партии обсуждали ленинское «завещание», то бишь «Письмо к съезду»!), убеждая их, что Алексеев извлекает уроки из критики, прозвучавшей в его адрес.

Счетную комиссию возглавлял председатель Усть-Камчатского райисполкома А. М. Гронский. Результаты голосования по выборам членов обкома были следующими: против Алексеева 54, за 347; Орлов: –8, +393; Есауленко: –7, +394. При выборах делегатов XXII съезда против перечисленных лиц было подано, соответственно, 51, 4 и 5 голосов [26].

А перед самыми выборами на съезд, когда председательствующий первый секретарь Петропавловского горкома КПСС А. И. Панов предложил «подвести черту, проголосовать чтобы» за утверждение списка, и черту подвели, раздался «голос из зала»: «Вношу предложение: вывести т. Алексеева из списка, а ввести т. Одинцова, так как войсковая часть у нас большая, членов КПСС много, и они просили, чтобы мы послали т. Одинцова на съезд». Далее, согласно стенограмме, возник еще один «голос из зала»: «Вношу предложение вывести т. Алексеева из списка, а ввести т. Бабенкова — секретаря Елизовского райкома КПСС». «Тов. Панов: “Кто за то, чтобы оставить т. Алексеева в списках для тайного голосования? Принимается единогласно. Так как отводов

по кандидатурам не было, и мы уже проголосовали, то изменений в список вносить не будем”» [27].

Показательно, что на заседании бюро Камчатского обкома все же рассмотрели вопрос «О недостатках стиля работы бюро обкома КПСС и заявлениях, поступивших в ЦК КПСС», но сделали это спустя три недели после конференции — 18 ноября 1961 г. Во втором и третьем пунктах принятого постановления говорилось: «Бюро обкома КПСС особо отмечает неправильные методы работы и поведение секретаря обкома партии т. Алексеева, выразившееся в том, что он допустил серьезные недостатки в руководстве сельским хозяйством и торговлей, неправильно строил свои взаимоотношения с кадрами, допуская грубость, бестактность и администрирование. Несмотря на всю серьезность этих ошибок первый секретарь обкома КПСС т. Орлов своевременно не поправил т. Алексеева и не проявил инициативы в постановке этого вопроса перед бюро обкома КПСС. Указать т. Алексееву В. И. на допущенные ошибки и предупредить его, что, если он не сделает необходимых выводов из критики, то будет поставлен вопрос о дальнейшей его работе в качестве второго секретаря обкома КПСС» [28].

От отца я слышал: бюро вынуждено приняло такое самокритичное постановление, так как присутствовавшая на облпартконференции инструктор ЦК КПСС Г. А. Ильина доложила «наверх» о стиле и методах камчатских обкомовцев, изучив существо дела и побеседовав с некоторыми жалобщиками, в том числе с Петром Артемовичем Пустовитом, отправившим в Москву заявление на имя Н. С. Хрущева. Алексеев на время притаился, а в 1963 г. взял реванш.

9 декабря 1963 г. во второй половине дня, ближе к вечеру, в нашу квартиру пожаловали незваные гости. Когда я открыл двери, вошли трое, а за ними отец — на нем лица не было. Старший группы помощник прокурора области младший советник юстиции Ларионов предъявил ордер на обыск и предложил указать местонахождение и добровольно выдать обыскиваемое. Сделать это я, понятно, отказался. И они приступили к работе. Формально искали библиотечные книги, чем занялся подручный Ларионова, фактически — «антисоветскую литературу», к чему сразу же приступил невысокий худой невзрачного вида человек с маленькими рысьими глазами. Я бы не определил, сколько ему лет, если б не синяющая на запястье наковка «1923».

Он не представился, а жаль: и без документа я бы запомнил его фамилию на всю жизнь. Едва чекист начал заниматься своим делом, я, будучи на взводе, вспылил: мол, не позволю копаться в моей душе грязными руками. Он, выпучив глаза, стал доказывать, что руки мыл. Несмотря на драматизм ситуации, меня это чуть не рассмешило. Самое свежее стихотворение на одном листе я выхватил у него и тут же порвал. Он еще больше вытаращил свои глаза и потребовал отдать порванное, иначе придется вызвать наряд милиции,

и меня «уберут». Я не мог допустить, чтобы обыск производился в моем отсутствии, и бросил клочки бумаги на пол. Он принялся собирать. Из того стихотворения помню лишь две строчки:

*Очередь за хлебом
ползет, как муравей.*

Имелись в виду осенние перебои с хлебом по всей стране (исключая, конечно же, Москву).

Не дай Бог кому оказаться в моем положении. Я смотрел на все это, нервничал, иногда отпускал язвительные реплики. Но ничем не мог помешать. В протоколе, копию которого оставили мне незваные гости, значится: «При обыске Пустовит Валентин высказал жалобы на необоснованность изъятия личной переписки, записей литературно-исторических, которые не указаны в постановлении об обыске, также личных записных книжек, фотопленок, фотографии Томского. Особенно протестую против изъятия стихов и записей, касающихся личной жизни». Никакой антисоветской литературы, естественно, у меня обнаружено не было. Даже «Теория грабежа» Танеева, присланная Николаем Игошиным из Владивостока, относилась к дореволюционному времени. Зато среди изъятых находилась уникальная книга 1930-х гг. «Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», подаренная мне знакомым. Ее я больше не видел. А вот другую, из той же эпохи, повертели-повертели и оставили. Называется она «Судебный отчет по делу антисоветского “право-троцкистского блока”». Наверное, чтобы я продолжил ее изучение, пока они будут решать, как поступить со мной.

За неделю до Нового года меня стали таскать на допросы, снимая с лекций в институте. Допрашивал «старый знакомый» капитан Ким Петрович Кожедей.

«Вопрос: Как вы расцениваете заявление Игошина в письме о том, что наше радио “врет больше, чем «Голос Америки»»? Ответ: Это, безусловно, ошибочная мысль. Вероятно, на основе отдельных фактов сделал такой необъективный вывод. Вопрос: В одном из писем Игошин предлагает вам написать биографии Зиновьева, Каменева, озаглавив их “Жизнь замечательных людей”. Как вы реагировали на это? Ответ: Этот совет я не выполнил, так как не имел материала, подтверждающего, что вышеуказанные люди являются замечательными. У меня, правда, имелась работа о Зиновьеве “Председатель Коминтерна”. Я начинал писать о Томском, но не кончил.

Вопрос: Поддерживали ли вы взгляды Игошина? Ответ: Да, по отдельным вопросам поддерживал. Я соглашался с ним, что роль местных советов у нас занижена, так же, как и роль профсоюзов. Я считал, что необходимо принять в сельском хозяйстве “программу Тито”, которая предусматривала наряду с кооперативным и частное хозяйство.

Вопрос: Как вы расценивали работу (конспект) Танеева? Ответ: Я похвалил некоторые главы работы этого анархиста, сказав, что в целом Танеев производит хорошее впечатление, но выразил сомнение в том, что его программа в сельском хозяйстве применима сейчас. Вопрос: В одном из писем Игошин пишет, что он вместе с Бубенцовым пришел к выводу о ненужности истории КПСС вообще, “ведь дворяне не имели своей истории”. Что вы думаете по этому поводу? Ответ: История всякая нужна, и особенно история КПСС, и изучать ее надо. Вопрос: Игошин пишет: “Сейчас высказываться вслух не надо. Л. И. говорит, что надо подковаться, а потом уже, после окончания института, выступать открыто”. Он пишет: “У нас по истории КПСС неумная чувиха. Я задал несколько каверзных вопросов, но спорить не стал”. Игошин в письме к вам пишет, что усиленно конспектирует своих наставников Бакунина, Кропоткина, Танеева “и это лучше, чем Маркса и Энгельса”. Откуда, по вашему мнению, у Игошина такое увлечение трудами анархистов? Ответ: По-моему, Игошина заинтересовали труды Бакунина и других, которые имелись у Бубенцова. Изучать анархистов можно, но Игошин сделал ошибку, применяя их высказывания к нашей действительности.

Вопрос: В одном из писем к вам Игошин пишет: “Я стал видеть много отрицательного, чего раньше не замечал. Буду изучать анархистов...” Вы отвечаете ему: “Коля, ты на правильном пути. Я верю, что мы будем вместе бороться”. О какой борьбе здесь шла речь? Ответ: Тут шла речь о борьбе с догматиками. Вопрос: Игошин пишет, что не верит в коммунизм через двадцать лет. Что вы скажете по этому поводу? Ответ: Я считаю, что тут он имеет в виду уровень сознания. Конечно, через двадцать лет сознание еще не будет коммунистическим. Вопрос: Игошин пишет, что коммунисты делают карьеру с помощью подлости. Также он пишет: “Поздравляю с днем конституции. Будем надеяться, что в новой конституции будут урезаны права коммунистов на грабеж”. А вот такое место: “...разве об этом мы мечтали в школе? Мы мечтали о своем государстве, где премьер — ты. Я еще не теряю надежд”. Ответ: Это просто шутка.

Вопрос: Ваше письмо Игошину. “На демонстрации (7 ноября 1963 г. — В. П.) я нес знамя комсомольской организации института. Пока я проносил его мимо трибуны, где стояли пузатые бюрократы, у меня замерзли пальцы”. А это что? Ответ: Да это так просто... Шутка. Вопрос: Слушали ли вы с Игошиным иностранные радиостанции, и какие? Ответ: Да. Я сам в 1961 г. слушал на “Мире” передачи “Голоса Америки”. Потом отец увез радиолу на материк. В 1963 г. я заходил к Игошину, и мы слушали “Голос Америки”, а также “Китай” и “Японию”. Мы критиковали сначала передачи, но потом стали воспринимать их необъективно».

Далее разговор зашел о стихотворении «Революция». Оно с незначительной редакторской правкой появилось в «Камчатской правде» 16 ноября 1963 г.

вместе с новеллой однокурсника Е. В. Гропянова «Березка» (с 2001 г. Евгений Валерианович руководит камчатской региональной организацией Союза писателей России) под рубрикой «Творчество молодых». Это была наша с ним первая публикация. На «Революцию» обратили внимание компетентные органы тотчас, и, видать, рассматривали ее тщательно в чекистскую лупу.

«Вопрос: Игошин поощряет стихотворение “Революция”»: “Твое стихотворение понравилось мне и Л. И. Он когда-то пытался писать стихи, но попал в прокуратуру. Хорошо, что попался чувак, который сочувствовал взглядам Л. И., и стихотворение сожгли. Больше он не пишет. Но мы с тобой молоды, и, я думаю, хватит духу писать. Пиши в духе “Гуляй-поле” Есенина и распространяй. Что Игошин имел в виду? Ответ: Он не понял смысл моего стихотворения. Вероятно, он считал, что оно перекликается с “Гуляй-поле” Есенина. Под распространением он, наверно, понимал печатание в газете и т. д.

Вопрос: Как Игошин стал на такой путь? Ответ: Я понимаю, что оказал на него отрицательное влияние. Под моим воздействием Игошин проникся уважением к оппозиции. Сам он истории КПСС не знает, поэтому мне удалось убедить его. Однако до отъезда во Владивосток он не имел взглядов, о которых пишет в своих письмах. Я думаю, оказавшись один в незнакомой среде, он стал неправильно оценивать явления. (Раньше он обращался за советами по историческим и политическим вопросам ко мне.) Поэтому он стал изучать анархические теории».

Позволю себе на этом месте прерваться, сделав экскурс в историю Камчатки. Работая в ЦДНИКО, я наткнулся на фамилию «Бубенцов» в одной из информационных сводок ОГПУ о политическом и экономическом состоянии Камчатского округа. Датирована она была 16 апреля 1927 г. и адресована ответственному секретарю Камчатского окружного бюро ВКП(б) Кузнецову.

В разделе «Население» сообщалось о существовании в Петропавловске рабочего союза Местран численностью 67 чел.: 30 русских, остальные корейцы и китайцы. Русская часть имела актив во главе с секретарем Бубенцовым, которого чекисты называли антисоветским типом. «Это лицо, являясь обеспеченным лучше остальных местранцев (получает жалование 100 руб. в месяц), использует все настроения рабочих для компроментации как мероприятий Соввласти, так и отдельных местных ответственных работников... В настоящее время среди русской части рабочих Бубенцовым ведется работа по сплачиванию рядов путем оказания “семейным порядком” материальной помощи нуждающимся в целях привлечения их на свою сторону» [29].

Встретилась мне эта фамилия еще раз в «Обзоре о рассмотренных по Камчатскому облсуду за первый квартал 1943 г. по ст. 58-10, часть 2; 58-14, по Закону от 7 августа 1932 г. и другим статьям УК РСФСР»: «Обвиняемый Бубенцов Г. П. происходит из крестьян-кулаков. Бубенцов среди рабочих Большещерецкого комбината (видимо, рыбокомбината. — В. П.) проводил

антисоветскую агитацию, направленную против СССР, высказывал недовольство Советской Властью, возводил клевету на руководителей Советской Власти. Бубенцов облсудом осужден по ст. 58-10, часть 2 сроком восемь лет лишения свободы с поражением избирательных прав сроком на пять лет, с конфискацией имущества» [30]. Какое отношение камчатский Бубенцов 1920—1940-х гг. имел к владивостокскому Луке Игнатьевичу, мне выяснить так и не удалось...

Капитан Кожедей под занавес 1963-го продолжал допрашивать меня. «Вопрос: Известно ли вам, что Игошин исключался из комсомола ранее? Ответ: Да. Я знаю, что он был исключен за составление какой-то анкеты в Салехарде».

...Спустя тридцать лет я получил почтовую открытку. «Валентин! Поздравляю с Новым 1994 годом! Всего наилучшего и всех благ тебе. Надеюсь, что Вы не забыли меня, так и я не забыл Вас. Напиши свое мнение обо мне, и я напишу Вам некоторые обстоятельства прошлой эпопеи, которые были закрытыми. Кожедей К. П. пенсионер МБ РФ».

Я, конечно, не ожидал такой «весточки» из далекого прошлого. Но поскольку она поступила в «обнаженном виде», то есть без конверта, и в тот момент, когда я только-только, по счастливой случайности, устроился на работу в Центр документации новейшей истории Камчатской области и опасался потерять ее — ответ мой Киму Петровичу был очень осторожным и деликатным. Рассказа о «некоторых обстоятельствах прошлой эпопеи» я так и не дождался. Возможно, письмо из Краснодара затерялось в пути. Не исключено также, что оно не дошло до адресата и по иным причинам. Но мне тогда показалось: мой знакомый передумал или же серьезно заболел: дали о себе знать фронтовые раны, так как я знал, что он, несмотря на молодость — год рождения 1927 — принимал участие в Отечественной войне. А потом, через несколько лет, я хотел, было, написать повторно, но не стал тревожить пожилого человека...

В допросах конца 1963 г. принимали участие подполковники Яковлев и Беляев. Последний позднее мне сказал: «Недавно вот осудили одного. Был против власти. У тебя тоже были такие замашки...»

Подполковник говорил, конечно же, о М. Других уголовных дел политического характера, относящихся к началу 1960-х гг., попросту нет. Да и сам Г. Р. Беляев имел касательство к данному делу как уполномоченный КГБ по Усть-Большерецкому району, где на одном из рыбозаводов трудился М. Его обвиняли в том, что, прибыв по оргнабору в поселок, он с лета 1962 г. вел злобную антисоветскую пропаганду: на языке властей — дискредитировал отдельные мероприятия Партии и Советского правительства, восхвалял американский образ жизни и охаивал материальные условия жизни в СССР, высказывал неверие в построение коммунистического общества в нашей стране и утверждал, что новая революция способна изменить жизнь в Советском Союзе. А также грозил зверской расправой Хрущеву и всем

коммунистам, высказывал злорадство по поводу возникших разногласий между КПСС и компартией Китая.

Обвинение поддерживал помощник прокурора области младший советник юстиции Ларионов. Судебная коллегия по уголовным делам Камчатского облсуда признала рабочего виновным и, на основании 1-й части 70-й статьи УК РСФСР, приговорила его к лишению свободы сроком на пять лет с отбыванием наказания в ИТК строгого режима.

...Пока меня допрашивали, мои однокурсники сдавали зачеты за первый семестр. Декан филфака (со второго курса наш факультет престал быть историко-филологическим) предложил такой вариант: сначала я сдаю экзамены, а потом уже зачеты. Ларионов тоже посоветовал продолжать учебу. 17 января 1964 г. я пришел на первый экзамен, но декан от своих слов отказался. Про него я ранее сочинил четверостишие:

*«Что-то здесь не наше», —
Говорит Ваганов
И рукою машет,
Будто бы наганом.*

Я вгорячах написал заявление с просьбой отчислить меня из института. Приказ издали на следующий день: исключить «за аморальное поведение и академическую задолженность».

Мое персональное дело рассматривалось на общеинститутском комсомольском собрании. Проходило оно 12 февраля 1964 г. после обеда в актовом зале на четвертом этаже учебного корпуса КГПИ. Меня посадили близ первого ряда справа (если смотреть со сцены), под окном, перпендикулярно к залу — как подсудимого. Первым слово держал помощник областного прокурора Ларионов. Говоря о результатах обыска, он отметил, что среди литературы, обнаруженной в нашей квартире, «были и такие книги, которые никому не выдаются. Валентин сознался, что уносил книги, не записывая их номера в карточку. Он, якобы, хотел возвратить их по окончании учебы...» [31].

Прокуратура и следственные решили не привлекать Пустовита Валентина к уголовной ответственности, «а перенести вопрос в институт на суд студентов, но считают недопустимым оставлять его в институте и комсомоле» [32].

Вторым поднялся на трибуну подполковник Яковлев. Это и последующие выступления воспроизводятся по записям, сделанным мною дома сразу же после собрания. «К нам в органы поступили сведения (скорее всего, от преподавательницы советской литературы Н. А. Бондаревой. — В. П.) о том, что есть в КГПИ такой студент Пустовит Валентин, который проявляет шатания и нездоровые высказывания. Мало того, пошел слух, якобы он хочет организовать группу так называемых “вольнодумцев”. И даже кое-кто говорил, мол, недоволен порядками, обращайтесь к Пустовиту, он направит на нужный путь.

Мы, конечно, не могли пройти мимо таких фактов и, естественно, побеседовали сначала с его отцом, потом с ним самим.

В беседе с нами он заявил (я цитирую): “Слухи о том, что я пишу трактаты на исторические темы — это слон из мухи. ...Я ошибался, отрицая партийность литературы и искусства, теперь я это понял...” и т. д. “Все фотографии и пленки оппозиционеров я сжег”. Мы поверили ему и были сначала удивлены, когда узнали от прокуратуры, что у Пустовита найдена антипартийная переписка с Игошиным... Владимир Ильич Ленин писал: “Существуют две идеологии: буржуазная и наша, социалистическая, третьей нет”. Вот под влияние буржуазной идеологии и попал Пустовит.

В письмах он писал Игошину: “Не с кем поделиться. Толпа глупая и меня не понимает”. Игошин отвечал: “Погляжу я вокруг себя и вижу: ничего нет в окружающей меня толпе, кроме тупости, пустоты и невежества”. На диспутах Пустовит отстаивал антипартийные взгляды на литературу и искусство. Преподавателей он считал “сталинистами”, а студентов “серой толпой”. Подбирал он также литературу тенденциозного характера.

Вот как писал Пустовит Игошину о вызове в КГБ: “20 сентября меня вызывали в контрразведку. О чем шла речь, ты, наверно, догадываешься. Спрашивали о тебе и Фэ. Разделяете ли мои взгляды. Я сказал, что нет”. (Что я называл чекистов бериевцами, подполковник опустил. — В. П.) Дальше Пустовит советует Игошину быть осторожнее. Игошин отвечает: “Убери подальше опасную литературу и письма”.

При обыске у Пустовита нашли пленки с изображением оппозиционеров. Но, вы помните, я говорил, что Пустовит при первом вызове в КГБ сказал, что их сжег. Конечно, никакой группы “вольнодумцев” в институте не оказалось. Пустовит один высказывал антипартийные взгляды и пытался бороться сам. Как он сказал на следствии, они с Игошиным хотели бороться против партии.

Как же дошел Пустовит до такого падения? Он слушал “Голос Америки”, японскую ширококвещательную корпорацию. Для этого даже (когда у него дома была радиолa “Мир”) провел специальную проводку к себе в комнату и слушал в три часа ночи и в шесть утра. Вместо того, чтобы обратиться со своими вопросами к партии, к своим товарищам, он искал ответы у этих “голосов”. Мы знаем, что все эти радиостанции живут за счет таких людей, как Пустовит, потому что там, за рубежом, рассчитывают именно на таких, как он.

Валентин Пустовит принял на веру распространяемые буржуазной пропагандой измышления о якобы существующем у нас конфликте между старшим и молодым поколениями. Он считал, что реабилитация честных людей, репрессированных во времена культа Сталина, означает автоматическую реабилитацию осужденных нашей партией враждебных оппозиционных течений. Он открыто критиковал речи тов. Хрущева на встречах с писателями

и работниками искусства. В действиях Пустовита состав преступления содержится по ст. 70 УК за распространение антисоветской пропаганды. Но нас партия учит подходить не формально...» [33].

Дочь второго секретаря обкома КПСС В. И. Алексеева Азалия Викторовна Лепетюк работала у нас в институте ассистентом кафедры марксизма-ленинизма, преподавала историю КПСС. Ее слушал я с удвоенным вниманием. Все запомнил и записал, придя домой. В протоколе собрания ее выступление сильно сокращено. По моим записям, она сказала: «Спорить можно и нужно. Это и естественно, когда у студентов обычно первого-второго курса появляется непонимание отдельных вопросов истории КПСС. Но ведь у Пустовита было не просто непонимание. Те, кто не понимает, старается понять, а он ни с кем не считался и ни к кому не прислушивался. Он упорствовал на своих ошибках и вел определенную линию.

Кого он считал ленинцами? Троцкого, который еще с 1903 г. боролся с партией! Бухарин, Рыков, Троцкий и другие должны были быть осуждены и получили по заслугам. Пустовит не читал работ Ленина. У него по истории КПСС оценка за первый курс отлично, но я могу с уверенностью сказать, что он не знает истории партии, он невежда в этом отношении. Пустовит ратовал за свободу в литературе. Мы помним слова Ленина в первой главе работы “Что делать?”, где говорится: “Лозунг свободы критики не нов. Его всегда выдвигали враги партии”. Так получилось и тут. Пустовит выступал против партийного руководства в литературе и искусстве, он говорил о так называемой “свободе творчества”.

Что касается Нины Александровны Бондаревой, то я лично думаю, что она не могла назвать “Новый мир” несоветским журналом, а также использовать такие методы спора, о которых здесь говорил Пустовит. Я не могу ему верить, так как он уже раз обманул органы госбезопасности. Меня возмущает, как ведет себя его группа! Пустовит что-то говорил о процентном содержании нашей музыки, мол, надо и джаз и классику. Я не отрицаю джаз. Но, думаю, он-то сам, Пустовит, развивался односторонне. Хочется спросить его, посещал ли он хоть одно занятие университета культуры?

Да какое он имел право (извините за выражение), не нюхавший что такое труд, сомневаться в решениях партии?! И не зная истории КПСС, он пытался писать “трактаты”, которые, по существу, являются враждебными. Вы думаете, что Пустовит неграмотный и необразованный и не понимал, что делает? Он сознательно выступал против партии и его раскаяние тут, по-моему, неискреннее. Он не переубежден. Он влиял на свою группу. Таким не место в рядах ВЛКСМ!»

А. В. Лепетюк была права: определенную линию я вел, и на собрании — тоже. Раскаяние всегда на пользу, если ситуация близится к критической и трудно предсказать ее исход. Исключение из комсомола меня мало волновало.

Я знал: от собрания зависит, будут ли меня судить (по 70-й статье) или нет. С учетом этого отвечал на вопросы из зала. Меня, например, спросили, что я почерпнул, слушая «Голос Америки»? [34]. Отвечал: принял на веру, что в партии много догматиков, что они ведут неверную политику в некоторых областях, в частности, в области литературы и искусства. «Кого считаешь догматиками?» — последовал уточняющий вопрос. «Сейчас китайцев и оппортунистические группировки в других компартиях, раньше — всех коммунистов» [35]. Кто-то спросил, осведомлен ли отец о моих взглядах. «Мы с ним часто спорили, но переубедить меня он не смог» [36].

Видимо, не все поверили Яковлеву и Лепетюк, раз мне пришлось отвечать на вопрос: «Против кого собирались вместе с Игошиным бороться после окончания института?» Следом за этим из зала спросили: «Искренни ли твои раскаяния? Что объясняет повышенный интерес к несправедливостям культа личности? Был ли кто-либо из родных репрессирован?» Я отвечал: «Переживаю искренне. Несправедливости периода культа личности принял близко к сердцу. В семье никто не преследовался» [37].

В отношении сталинской эпохи я мало погрешил против истины. У матери двоюродный брат Ф. С. Уманский, служивший в НКВД, вроде бы «загрел» до войны — не то посадили, не то расстреляли. Сохранилось фото, подписанное им в Макеевке 8 января 1938 г. Он запечатлен у полуразрушенного грота, облокотившимся на него, во френче с накладными карманами (однако без знаков различия), в галифе и хромовых сапогах; поодаль фуражка с поблескивающей звездочкой. Вид у него решительный, взгляд непроницаемый, с оттенком суровости. На снимке фирменная надпись: «Славянск-курорт 1932 г.» По словам отца, моя мать не верила, что ее двоюродный брат — враг народа.

Отец рассказывал, что его таскали из-за компаньона по преферансу Хатаевича, крупного деятеля КП(б)У, и когда следователь то ли оскорбил, то ли ударил отца, тот запустил в чекиста чернильницей. Как ему это сошло с рук, непонятно. Не иначе, кто-то влиятельный «вытащил» его. В противном случае, не посмотрели бы ни на молодость, ни на пролетарско-крестьянское происхождение.

Было это в 37-м. Именно тогда, как выразился один из героев В. Аксенова, «брали партийную кадрову». Писателю можно верить: папу, секретаря обкома, если не ошибаюсь, в Средней Азии, по-моему, пустили «в расход», маме тоже досталось как ЧСВНу (члену семьи врага народа), она в перестройку напечатала мемуары про все это «Крутой маршрут». Я прочел их и подумал: с комиссарских фатер да на нары — действительно круто.

На Камчатке 1937 г. не был черным исключительно для партийцев и их вожakov, хотя, конечно, коммунистическая номенклатура впервые по-настоящему испытала на собственной шкуре, что такое «карающий меч пролетариата».

(Ничего не поделаешь: закон бумеранга!) В том году, символизирующем пик сталинского террора, в нашей области органы НКВД засадили 154 чел., применили ВМН к тридцати семи. Зато в следующем, 1938 г., число расстрелянных превышало посаженных: соответственно, 366 и 249. В 1940-е гг. к стенке поставили 124 чел. Под следствием в советский период умерли 73 камчатца.

Сразу же оговорюсь: все цифры по репрессированным выведены мною, исходя из архивных уголовных дел, сданных ФСБ на хранение в ЦДНИКО к середине 1995 г. А это — примерно 85—90 процентов от общего их количества. Тем паче, что после 1995 г. мы принимали в основном дела послевоенного периода.

Делая в свое время выборку репрессированных по социальному положению, я, к сожалению, не выделил 1937 г., о чем сейчас сожалею. Так что приведу общие данные. За годы советской власти, начиная с ее окончательного установления в ноябре 1922-го, в Камчатской области репрессированы 1 817 чел.: 504 рабочих, 494 крестьянина, 341 инженерно-технический работник. Из них посажено 345 рабочих, 270 крестьян, 212 ИТР. С конца 1922 по 1964 г. расстреляно 540 чел., в том числе 137 рабочих, 173 крестьянина, 111 ИТР, 55 беспартийных начальников, 33 члена ВКП(б).

Динамика советских репрессий по политическим мотивам такова: двадцатые годы — шесть, начало тридцатых годов (коллективизация; без учета административно высланных и ссыльных «кулаков» и их семей) — 306, середина тридцатых (до 1937 г.) — 154, 1939—1940 гг. — 49, 1941 г. — 109, 1942—1945 гг. — 85, 1946—1949 гг. — 51, 1950-е гг. — 43 и 1960-е гг. — один (уже упоминавшийся выше рабочий рыбокомбината). При советской власти любили включать в разные таблицы женщин, подчеркивая их роль и участие. Так вот: репрессированных лиц женского пола тридцать семь, расстрелянных — шесть.

Справедливости ради, следует отметить, что из 2 767 арестованных 799 были освобождены из-под стражи до рассмотрения их дел судебными и внесудебными органами, а также (очень редко) по решению этих органов. Среди освобожденных 86 начальников, не состоящих в партии, и 81 коммунист.

А теперь обратимся к статистике. Население Камчатской области: 1927 г. — 34 269, 1931 г. — 34 958, 1938 г. — 95 000, 1940 г. — 112 831, конец 1945 г. — 141 978, 1950 г. — 156 552, 1959 г. — 220 753 чел. А какова была численность областной партийной организации (членов и кандидатов)? 1927 г. — 258, 1931 г. — 636, 1937 г. — 1 082, 1938 г. — 1 494, 1940 г. — 3 500, на конец 1945 г. — 5 896, 1950 г. — 8 455, 1959 г. — 10 258. (Статистические данные по населению и партиям взяты мною из самых различных, главным образом из архивных, источников, но — столь разрозненных, что указывать их все, думается, нет необходимости; замечу, что специального справочника на сей предмет, насколько мне известно, до сих пор не существует.)

...Но вернемся к злополучному 12 февраля 1964 г. Свое выступление, в котором мне надлежало покаяться в содеянном, я, к сожалению, не записал. Так что цитирую по архивному протоколу, и что там подлинно, а что — нет, сейчас уже разобраться трудно. «Он признает свои ошибки... Он написал статью о “Ленинградском деле”, где пытался доказать, что Кирова убил Сталин (в 1988 г. у меня получился на эту тему очерк-гипотеза “Закат на рассвете”. — В. П.), приводил факты, критиковал конституцию СССР. Считал, что роль Советов принижена, профсоюзы не имеют никакой роли...» [38].

После моего выступления и ответов на вопросы из зала в протоколе стоит: «Студенты не верят в искренность Пустовита» [39]. Станный вывод, если учесть, что голосования по данному вопросу не проводилось. Но да Бог судья тому, кто свое мнение распространил на всех будущих педагогов. Прочитирую протокольное отношение ко мне троих студентов. Две студентки учились в моей группе Р-621. Валентина Соколовская: «Отрицает влияние Пустовита на группу, не подозревала его антипартийность, а считала, что он просто углубился в некоторые детали. Считали его взгляды сумбурными, лишенными логики...» [40]. Лилия Ласенко: «...он искренне раскаялся и очень переживал. Но искал ответы на неясные вопросы и заблуждался. Разговаривал об этом и с нами в группе. Считаю, что нужно оставить в комсомоле до первого замечания» [41].

Третий по окончании КГПИ несколько лет прослужил в КГБ, но был уволен, сбив на автомашине по выпившему делу человека насмерть. (И такой же точно конец постиг его самого спустя десятилетия, уже в пожилом возрасте.) А в 64-м он учился на пятом курсе истфила. «У Пустовита два преступления — кража книг и критика линии партии. Материально он обеспечен, значит, кража происходила не из-за материальных трудностей. Да и вставать по ночам слушать “Голос Америки” — это очень неприятная вещь. И зачем ему нужно было собирать и распространять фотографии. Он искал правду не там, где ее можно найти. Вот о литераторах. Мне тоже нравится Евтушенко. Нравится — читай, не нравится — не читай. Но ошибки некоторых молодых авторов осуждены не только партией, но и всем народом. Поэтому искать здесь еще правду совсем нет никакой нужды. И на группу он один не мог влиять, но ему и в комсомоле не место». [42].

Еще перед собранием, не помню от кого уже, кажется, от секретаря институтского комитета ВЛКСМ Володи Кравченко, мне стало известно, что кое-кто постарается протащить решение не брать на поруки, а передать мое дело в суд. И под конец собрания эта линия проявилась. Заведующий кафедрой русского языка П. М. Бердник заявил: «В студентах он видит “серую массу” и, не сделав ни одной гениальной вещи, считает себя гением. Я не верю, что он все понял, раскаялся. Поэтому предлагаю отдать его под суд» [43].

Ректор института Сергей Петрович Соловьев, по протоколу, «обращает внимание на ложность раскаяний Пустовита. Лгал и группе, и своей девушке, боролся против родного отца, обманывал его. Предлагает отдать его под суд, так как совершенно уголовное и политическое преступление...» [44]. По моим записям, ректор был более эмоционален: «Пустовит опозорил наш коллектив. Мы исключили его из института. И я думаю, вопрос о пребывании его в комсомоле также решен. Но этого мало. Пустовита надо не только исключить из рядов ВЛКСМ, но и судить. Отдать его под суд! Пусть посидит и поймет все. Я долго служил в армии. Если бы меня послали с Пустовитом в разведку, я бы не пошел. Такие, как он, идут в плен!» В протоколе не зафиксированы мои реплики по ходу ректорского выступления. «Вам выгодно, и вы хотите отдать под суд! Вам дали директиву сверху! Не навязывайте собранию решения!»

С Бердником и Соловьевым солидаризировался городской комсомольский лидер Алексей Гречко. «Мне кое-что показывали из его “работ” (имелись в виду пробные исторические статьи. — В. П.). Это нелогичная, непоследовательная писанина. Против кого выступал Пустовит? Против партии, которая свершила революцию, под руководством которой советский народ строит коммунизм! Мы не позволим распространять антисоветскую пропаганду Пустовиту и подобным типам.

Вот послушайте, как он цинично, я повторяю, цинично, писал о нашей партии Пустовит Игошину. Что-то там было примерно так: он сравнивает обкомы с начальником, а Советы с машинисткой. И это он говорит о Советской власти, которая дала ему счастливую жизнь! Это клевета на нашу действительность. Пустовит, без сомнения, должен быть исключен из ВЛКСМ (об этом и речи быть не может) и отдан под суд!» [45].

О том, что сказал выступивший последним, кому, прекратив «прения», все же дали слово, в протоколе всего полторы строки: «Говорит о спорах с сыном, об его убеждениях. Просит не отдавать под суд» [46]. Все! Его слез там нет. Скорее всего, именно тогда, в те минуты я (еще не осознавая этого) возненавидел «любимую коммунистическую партию» и «родное советское правительство» — все то, что теперь называю антирусским оккупационным режимом, осуществлявшим геноцид моего народа.

Конечно, слова отца, что я рос сызмальства без матери, и что он, конечно, недосмотрел и вообще кругом виноват как коммунист с 1936 г., действовали на собравшихся. Он просил прощения за меня, а мне было больно и стыдно, что мой отец так унижается — он, трижды раненный фронтовик, не раз смотревший смерти в глаза не только на войне, защищая в 1941-м Севастополь. И под конец заплакал. Никогда в жизни (ни прежде, ни потом) я не видел у него слез.

Отец спас положение. Разжалобил. А может быть, ход событий стал переламываться раньше, когда до Гречко поднялся на трибуну мой однокурсник

Евгений Гропянов? Он был краток, но тверд: «Я знаю Валентина давно и, несмотря на его ошибки, продолжаю уважать его. Поэтому прошу не отдавать его под суд» [47].

Большинство участников собрания (а голосовали и члены КПСС, в основном, как я заметил, за мою посадку), исключив из комсомола, направило меня в рабочую бригаду «под общим контролем».

На другой день бюро Петропавловского горкома ВЛКСМ приняло свое постановление: тоже об исключении из рядов молодых подручных партии «за аморальное разложение, грубейшее нарушение дисциплины, несовместимые с требованием Устава ВЛКСМ» [48]. В этом документе они, главным образом, напирали на книги (не забыв отметить — отчислен, в том числе за неуспеваемость), ни словом не обмолвясь об истинной причине, из-за чего, собственно, и было заведено персональное дело.

Сначала горкомовцы промариновали меня в коридоре целых три часа, хотя я явился в назначенное время, без опоздания. Наконец вызвали. А. Гречко коротко проинформировал членов бюро о моем «деле». Пока он говорил, один из находившихся в кабинете бросил мне в лицо: «В Америку захотел? Можем отправить!» А когда узнал, что на собрании просили взять меня на судоремонтный завод «Фреза» в передовую бригаду Зубкова, как отрезал: «Такие нам не нужны!» После чего я услышал: «Лишить его права поступать в вуз!»

«Так вот, молодой человек, — заключил первый секретарь горкома А. Гречко, — у нас свобода творить для народа. Другой нет. Будешь копать — раздавят. Ясно? У тебя комсомольский билет с собой?» (Все это опять — уже мои записи, протокол там не вели.)

Я отдал им требуемое, оставив на память себе обложку. «Хорошо, я к вам на “Фрезу” не приду», — сказал я обиженно тому функционеру, что больше других насканивал на меня. Но через несколько дней по чьему-то совету все же сходил — не комсомольские же вожакИ всем заправляют. И получил неофициальный отказ с доверительной формулировкой: «Паршивая овца все стадо испортит».

На работу меня никуда не брали. Отчаявшись, я заявился (к кому бы вы думали?) к начальнику УКГБ по Камчатской области полковнику И. Н. Баранову и потребовал... восстановить меня в КГПИ. Он ответил: «Мы не имеем полномочий для восстановления вас в институте. Нет у нас таких администраторских прав. Но, если бы они и были, то все равно мы бы их не применили — совесть не позволила. Нас бы послушали-послушали и сказали: “Что это за государственные органы, если вчера говорят одно, а сегодня — другое?!”»

Подполковник Беляев отреагировал на это следующим образом: «Ты, друг, не очень ершишь! Давай лучше работай, зарабатывай хорошую характеристику. Между нами говоря, тебе надо хоть год поработать, а там — в любой вуз. (Мы туберкулезным пенсии не даем!) Ты думал, что придешь, а перед

тобой: «Валечка, Валечка...» Товарищ Беляев выскочил из-за стола и с саркастически-ехидным лицом отвесил поклон в мою сторону. «Нет, этого не дождешься! Бросай все *это* и работай. Ты жалуешься, что я матом с тобой говорю... Да если бы ты был мой сын, я не так бы с тобой... Что нам делать нечего? Да на х... ты нам нужен, мать твою!»

11 марта 1964 г. помощник прокурора области И. Т. Ларионов (1923 г. р., участник войны, в партии с 1952 г.) возвратил мне две тетрадки с прозой и стихами, изъятые при обыске. А забрали-то шесть. Я спросил, где остальные, а также письма Александра Филимонова из армии. Он пояснил, что все это в УКГБ. Я: «Но ведь в письмах ничего “такого” нет!» Помпрокурора: «Это ты так думаешь. А там думают иначе». Больше мы с Ларионовым не общались. Как-то видел его мельком во второй половине 1960-х гг. в центре Петропавловска около центрального гастронома, что находился рядом с главпочтой. Он не изменился: такой же хмурый, точнее, набыченный...

В поэтической тетради, отданной назад, я недосчитался двенадцати листов. Выдрали с корнем, а там была поэма о политических репрессиях «Георгин», написанная еще в школе, несколько подобных, антисталинских и других стихов 1961—1963 гг., в том числе «Я иду»:

*Прорабатывали меня веско
на школьном собрании.
«Элементом антисоветским»
оказался я в юности ранней.
Что копаюсь я в мусорной куче,
всем внушали долго и внятно.
Вылетали фразы трескучие
и марали чернильными пятнами.
А другие: «Послушай совета:
это, братец, Сизифов труд.
Чего доброго, сживут со света
и за правду по правде дадут!»
Библиотекам всем надоевший,
пыль вздымающий в потолок,
весь день ничего не евший,
я книги домой волок.
А ночами за маленьким столиком
по веснушкам лезли поты.
После уроков с историком
я ругался до хрипоты.
Застывшие, словно студень,
утвердившиеся в апатии,
обвиняли меня в институте,*

*будто я против партии.
Но пусть все бурлит и пенится,
За теми, кто побыл в аду,
за коммунистами-ленинцами
я иду!*

Это стихотворение написано в июле 1963 г., я его восстановил по памяти и опубликовал в период перестройки как воспоминание о юности [49].

Недолго, однако, я шел за побывавшими в тюрьмах и лагерях коммунистами-ленинцами. ВОСР («Великая Октябрьская социалистическая революция»), коммунистическая идеология, теория и практика социализма умерли для меня на рубеже 1965—1966 гг., когда я внимательно «проработал» важнейшие работы Ульянова-Ленина и вник в его лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Но теперь, после восстановления в институте, я уже не болтал с кем попало о политике, а как можно глубже изучал и осмысливал «Историю КПСС» и «Основы научного коммунизма», памятуя о, в общем-то, справедливом упреке ассистентки кафедры марксизма-ленинизма.

А она сама в том же 1964-м рассталась с пединститутом, причем не по своей воле: позднее я слышал, что коллеги «прокатили» ее, кандидата наук, на выборах, не желая, якобы, чтоб все происходящее в КГПИ тут же становилось достоянием второго лица в области. И главное — некому предъявить претензии: голосование-то тайное на замещение определенных должностей в научном мире. Но вскоре в институте произошла смена ректора. Все же нашли, на ком отыграться, хозяева жизни, расположившиеся в «Белом доме» — как камчатцы меж собой называли здание с колоннами в центре Петропавловска еще за три десятка лет до августовских событий в Москве.

Сюда жалобщиков пускали по пятницам — то были приемные дни секретарей областного комитета партии; принимали, понятно, после 18 часов. Я решил сходить в «Белый дом» больше из любопытства, чем в надежде облегчить свою участь. Жалобщики толкались в фойе каждый со своей бедой-нуждой. Держались они не одинаково. Кто — мрачен и молчалив, кто, наоборот, взвинчен и шумен. Последних, если их поведение выходило за установленные здесь рамки приличия, одергивал страж порядка. Он позволял себе некую простовато-небрежную неофициальность, выступая, помимо своих прямых обязанностей, в роли советчика или наставника. Ему, видимо, нравилось уже одно то, что у него нет подобных забот (слово «проблемы» в те времена было обозначено лишь на обложке интернационального коммунистического журнала «Проблемы мира и социализма», издающегося на многих языках в Праге) и, конечно же, не будет.

Женщине с «Фрезы» он со знанием дела объяснил: «Тех, кто слишком кричит, вышибают». И добавил, что настырным вообще «ничего не светит».

Меня обозвал сопляком: я сказал ему, что он неправильно звонит Фролову. Это было на десятый день первой моей встречи с секретарем по промышленности, который пообещал разобраться с моим делом, а также поинтересовался фамилией сотрудника КГБ, опрометчиво сказавшего мне: «У нас судят не за взгляды, но за их распространение».

Большинство просителей добивались приема по жилищному вопросу — они или скитались по углам, или обитали в совершенно невыносимых условиях, как та сравнительно молодая женщина, которая вместе с крысами «облюбовала» служебную химлабораторию. Она жаловалась милиционеру, что она там слепнет, а начальству нет до этого никакого дела. Я смотрел на ее слезы, и сердце мое сжималось.

Много лет спустя, читая в архиве выступление своего отца на 13-й областной партконференции в сентябре 1961 г., я вспомнил эту женщину. П. А. Пустановит тогда, критикуя руководство Камчатского обкома КПСС, говорил: «Елизовских строителей очень строго наказали за строительство дорогостоящего забора, а обком под личным руководством т. Алексеева, на возмущение всех жителей города, отгородил свой дом дорогостоящей оградой. Добротный дом по ул. Ленинской, где прежде жили секретари обкома, разобрали для того, чтобы разбить себе сквер, и это в то время, когда более тысячи человек города стоят на очереди, чтобы получить жилье к зиме» [50].

Выступление моего отца можно, конечно, расценить как обиду члена КПСС с довоенным стажем, недавно освобожденного — причем, несправедливо, да еще со строгим выговором с занесением в учетную карточку (после конференции «строгач» отменили) — от должности начальника облместпрома.

Но вот мнение других петропавловцев, оставленное ими на избирательных бюллетенях во время выборов в Верховный Совет РСФСР и местные советы 1 марта 1959 г. Первому секретарю Камчатского обкома партии М. А. Орлову советовали «проявлять заботу о людях, а меньше о себе, не заводить особняков, когда трудящиеся еще ютятся в плохих квартирах». Угрожали: «Если не дадите людям хорошую жизнь, нас будет больше». Второй секретарь обкома В. И. Алексеев характеризовался следующим образом: «Не был ни одного дня на фронте, а прятался в райкомах и крайкомах. Сам хам, и род твой хамский. Такого бюрократа не нужно. Пусть научится с людьми быть человеком, а то он скотина. Враг народа. Знаю такую свинью, ей место в пивной».

Избиратели не ограничивались наставлениями местному руководству. «Этот бюллетень нужно направить тов. Хрущеву. Рабочий класс просит снизить цены на продовольственные и промышленные товары. Мы ждем лучшей жизни». Хрущеву один из жителей Петропавловска рекомендовал меньше заниматься кукурузой, больше жилищным строительством, «ибо многие

живут в трущобах». И как пример: «...у меня был один сын, теперь заболела дочь туберкулезом открытая (пропущено слово «форма». — *В. П.*), занимаю восемь квадратных метров, пять взрослых человек, представляете мое на- строение, я забыла, когда улыбалась, я работаю ведь шестнадцать лет на од- ном производстве». А на двух бюллетенях значилось: «Конец Хрущеву».

Имелись и особые мысли по поводу выборов и кандидатов как таковых. «Вы несмышленные, если думаете, что мы не знаем, как глупо это голосо- вание». «Предлагаю депутатов назначать, так как все равно пройдут. Не будут расходовать на избирательную кампанию средства, все равно от этого жизнь рабочих и крестьян не улучшится» [51].

Следует отметить, что все «крамольные надписи» на бюллетенях для го- лосования анонимные (кому охота иметь неприятности, хотя, понятно: за это уже не расстреливают), но, тем не менее, зафиксированы в специальной Справке горкома партии. В ней они названы надписями «аполитичного и ху- лиганского содержания».

...Принимавший меня в «просительную пятницу» тридцатидевятилетний Николай Лукьянович Фролов, в прошлом слесарь, инженер-электромеханик, стал секретарем обкома КПСС в мае 1963-го. Он в первые же минуты нашей беседы заявил, что обвинения в мой адрес насчет политики чепуха. «Интересоваться можно и нужно. Вы объясняете любопытством интерес к оппози- ции. Ну, взяли бы эти книги, полюбопытствовали и отнесли обратно. Но какая польза простому человеку от того, что он вдруг узнает (допустим) о реабили- тации Зиновьева? Что это даст? Да ничего. Рабочего это не интересует.

Вы, конечно, не ревизионист. Чтобы им быть, надо досконально изучить марксизм-ленинизм, выдвигать свои теории, а вы и “Капитала” не изучили! Чем объяснить ярлыки? Просто товарищи погорячились... Вы спрашиваете, что будет с компартией при коммунизме. Не знаю. А кто знает?! Дело буду- щего. Каждый может иметь свое мнение. Единства не было, и нет. Иначе бы и общество не двигалось вперед. Ведь и литераторы, которых критиковали на встречах, не сразу согласились с Н. С. Хрущевым.

Мы не пропагандируем абстракционизм потому, что он не понятен наро- ду. Можете увешать всю квартиру в этих картинах и любоваться — ваше дело. Мы признаем то, что отвечает интересам народа, а не небольшой группы. Я был на одной из выставок. Видел наподобие абстрактного. Двое парней восхищались. Мне они сказали: “В будущем это будет понятно”. Но я, черт возьми, не вечность же собираюсь жить! (Вечность — не вечность, а несколько десятков лет он прожить, безусловно, собирался, но умер через четыре года от болезни, именуемой на медицинском языке «канцером». — *В. П.*) Недавно мне подарили польскую вазу. Она на вазу-то не похожа, но красивая все же. Что-то там нарисовано абстрактное, но красива, черт побери! Спра- шивают меня, где я купил.

Да, книга Дудинцева много нашумела, но партия сказала, что она противоречит ее линии. Но автора же не зажали. Он мог соглашаться с критикой или не соглашаться.

Через год поступайте куда хотите. Вопрос о партийной ответственности отца не ставится, хотя отец за сына отвечает. Он уже наказан вашим исключением».

На том наша беседа завершилась. Во время нее в кабинет Н. Л. Фролова зашел на пару минут МАО (такое прозвище получил в народе первый секретарь обкома Михаил Анатольевич Орлов в эпоху разлада с Китаем). Мы поздоровались: я, привстав в кресле, в голос, он — кивком. И очень внимательно посмотрел на меня. Кому из партийцев я ни говорил, что Орлов появился в кабинете Фролова, нарушив субординацию, никто не верил...

Поговаривали, что сотрудники «Камчатской правды» уже было подготовили статью по материалам моего персонального дела «Торжествующее невежество», однако МАО распорядился: «Нечего раздувать!» Кстати, статья против меня все же появилась в этой газете, только не тогда, а ровно через тридцать лет — такую благодарность я получил от коммунистов за то, что не бросил редакцию в 1991 г. и вообще постоянно долбал их политических оппонентов — «демократов»; правда, доставалось и партийцам, но у меня же были собственные убеждения.

В общем, о Н. Л. Фролове у меня сложилось неплохое мнение, несмотря на то, что он походя (однако не в отношении меня) тоже, как и Беляев, не обошелся без матерного слова номер один. Начальники в те годы таким манером, думаю, подчеркивали свою демократичность, а вернее, тесную связь с «простым народом» — недаром же они постоянно вещали от его имени.

Но двум должностным лицам я просто благодарен. Директору комбината бытового обслуживания (КБО) Василию Васильевичу Скотникову и инструктору Камчатского обкома ВЛКСМ Алексею Коробкову. Один взял меня учеником электрослесаря на подведомственный ему прибороремонтный завод, располагавшийся рядом с нашим жильем, а другой — единственный человек из всех, кого я мало-мальски знал в «Белом доме» — здоровался со мной всегда первым, а однажды возле поликлиники УТРФ, на Ленинской, напротив здания обкома КПСС (я ходил теперь по другой стороне улицы), он подал мне руку, взбадривая: «Не падай духом! Все перемелется».

В декабре того же 1964 г. его изберут первым секретарем горкома комсомола, а в апреле 1969 г. он возглавит обком ВЛКСМ. Однако останется прежним: простым, доступным, отзывчивым человеком. Таким авторитетом — особенно у молодежи — не пользовался, пожалуй, никто из его предшественников, да и преемников — тоже. Потому что, вдобавок ко всему, являлся личностью. А это в тогдашней номенклатурной системе было очень большой редкостью. После комсомола Алексея Дмитриевича перебросили на партийную работу, а затем на советскую. И когда он стал заведующим

оргинструкторским отделом облисполкома, к нему вновь повалил народ, зная, что «Леша поможет». Погиб А. Д. Коробков в самом начале перестройки, не дожив до пятидесяти. Я разделял искреннюю скорбь многих (в Петропавловске и в районах области).

И поныне я часто вспоминаю слова Алексея. Вот что значит поддержка в трудную минуту! А ведь сослуживцы А. Коробкова относились ко мне совершенно иначе: и на улице, и в помещении они, чаще всего, попросту не замечали меня. Их копировали некоторые мои бывшие однокашники. И лишь Евгений Гропянов продолжал время от времени навещать меня, что навлекло на него подозрения, будто он скрытно разделяет мои политические взгляды, за которые я вылетел из вуза и комсомола. Но Е. В. Гропянов никогда политикой не занимался, а только литературой, посвящая свои произведения В. Атласову, И. Козыревскому, В. Берингу, без которых представить художественную историю Камчатки сегодня уже невозможно.

Вскоре после исключения я перестал встречаться с однокурсницей — моей первой женщиной. Причина была одна: ее поведение на собрании 12 февраля. Как сейчас помню ее, идущую к трибуне в ярко-красной сбористой юбке и такого же цвета туфлях (моем подарке с повышенной стипендии). Чекисты-перворядники окидывают ее оценивающими взглядами и недвусмысленно усмеваются. Видя это боковым зрением, она ничуть не смущается. Сдается, ей даже нравится такое публичное внимание к собственной персоне. И что же она говорит с трибуны? — она, явившаяся сюда со мной, прямо из моей квартиры, где мы провели вдвоем (мои родители — на работе) часа полтора, и не только за разговорами о предстоящем общеинститутском комсомольском собрании... Что она говорит!

Цитирую строго по протоколу все, как там есть, так как у самого нет записи ее выступления (в протоколе, кстати, лишь изложение). «Говорит, что все знала, все его ошибки, кроме воровства. О его взглядах знали многие студенты различных курсов. Свои мнения об истории в группе не очень высказывал и истинными считал лишь первоисточники. Считает, что Пустовиту не место в комсомоле (кража книг не допустима), но считает взгляды заблуждениями, а не антисоветской пропагандой» [52].

1 апреля 1964 г. я стал учиться ремонтировать электромоторы — менять перегоревшую обмотку. Работа не шибко сложная, однако же, непривычная, да, вдобавок, я чувствовал себя не совсем уютно из-за того, что в школьные годы на производственной практике на мехзаводе вначале осваивал электродело, но в конце концов сдал на первый разряд токаря. (Между прочим, «родной» Петропавловский судоремонтно-механический завод, как и другие, в 1964-м открылся от меня.)

Прибороремонтный завод располагался неподалеку от стадиона «Спартак» на Ленинградской. Кроме моторов, чинил холодильники, весы, пишущие

машинки. Летом того же года сюда привозил несколько таких машинок «с той стороны» (из пос. Лахтажного, что находился на противоположном берегу Авачинской бухты) старший лейтенант ВМФ Владимир Науменков, служивший в газете подводников «Залп».

Электроцех прибороремонтного завода размещался в полуподвале, в котором черт ногу сломит: от верстаков и «железок» ступить было негде, но мы, шестеро или семеро электрообмотчиков, ухитрялись как-то, не особенно мешая друг другу, копаться в моторах разных габаритов. Обмотчики — все ребята либо моего возраста, либо чуть помоложе. Среди них были две девушки. В помещении стоял умеренный грохот, сквозь него временами пробивался радиодинамик: «Коля, Коля-колокольчик, где мы встретимся с тобой?» Эта песенка, нередко звучавшая в утренней передаче «Сельский час», до сих пор переносит меня в наш электроцех. И снова пахнет железом, горелой изоляцией, эбонитом...

Когда кто-то хотел что-то сказать товарищу по работе — обязательно орал, даже без надобности: настолько все привыкли к шуму. Но работали споро, весело, хотя заработки были не ахти, особенно у меня, поскольку и приноровившись потом, я не мог ни за кем угнаться.

В рабочей обстановке я сравнительно быстро освоился; на меня посматривали с любопытством, по несколько раз заставляли пересказывать институтскую историю. Ребят она почему-то забавляла, и вскоре мне самому уже перестала казаться чересчур грустной. С большой серьезностью слушали парни, как я ходил в обком партии. Вопросов не задавали.

К лету нас повезли за город нарезать дерна, чтобы несколько облагородить территорию вокруг предприятия. Вот тогда, на природе, один из молодых рабочих с другого цеха (кажется, весоремонтного), не понижая голоса, рассказал своему товарищу о расстреле рабочих в Новочеркасске. Нас, молодых, это поразило: мы не поверили, что такое может случиться в послесталинское время. Чекисты о рассказе того немолодого человека так, помоему, и не узнали. Конечно, и в рабочей среде, как и везде, у них были «слухачи», да и провокаторы тоже, но, наверное, значительно меньше, нежели в интеллигентской. Рабочий класс не мандражировал, подобно «культурным», а посему язык за зубами держал крепче, когда дело касалось друг дружки.

...В четверг 2 апреля, ближе к вечеру, у нас в квартире зазвонил телефон. Работу я кончал в пять и уже был дома. Не помню, кто взял трубку. Спрашивали меня. Незнакомый мужской голос несколько сбивчиво предложил нам встретиться — причем, сегодня же! — и принялся сумбурно объяснять, за чем. Я ничего не понял, однако пообещал. Положив трубку, рассказал отцу. Сам же не знал, идти или не идти. Незнакомец назначил встречу в центре города, у гастронома, наискосок от партпроса, сказал, во что будет одет, даже назвал, кажется, военнотружущим.

— Провокация, — отреагировал отец, имея в виду, конечно, чекистов. Я тоже склонялся к этому. Короче говоря, не пошел. Где-то через час-полтора опять звонок, на сей раз в дверь. На пороге молодой человек — но гораздо старше меня — в фуражке морского офицера и меховой форменной куртке без погон, какие носят подводники. И — горечь в уголках рта.

Я мгновенно вспомнил Клуб поэзии в читальном зале областной библиотеки в здании Дома радио и поэта в грубошерстном свитере, читающего стихи о косарях и вдовушках. Тогда, в Клубе, я подумал, что выражение лица диктуется содержанием стихов. Потом, на улице, когда все расходились, и поэт, идя с нами в черной шинели, советовал нам, школьникам (мы весной 1962 г. учились в одиннадцатом, выпускном классе), «не робеть», то есть писать смелее — я понял, что эта горечь в уголках рта у него все время, может быть, с детства, о котором его стихи...

Не успел поэт снять куртку и пройти в комнату, как я напомнил ему, что мы виделись в Клубе поэзии. Так завязался разговор. Отец, воевавший на Черном море, и тоже морским офицером, с тающей на глазах настороженностью разглядывал гостя. Тот сразу же объяснил свое неожиданное появление: узнал мою историю с исключением и что я пишу стихи, вот и решил познакомиться.

Мы перешли в комнату, сели за стол со скатертью. Почему мне запомнилось, что на нем была скатерть, — я потом не раз в неловкости опускал туда глаза, пока Володя Науменков (именно так он представился нам с отцом), изъявив желание почитать мои вирши, листал общую тетрадь в клетку с вырванными при обыске страницами. У меня тогда из стихов еще почти ничего не было, а он — судя по тому, что я слышал в Клубе, — вполне сформировавшийся поэт, к тому же, поэт — сильный...

Я с первых же минут нашего знакомства проникся к нему доверием. И хотя поговорить о многом в тот весенний вечер нам не удалось — Володя спешил на службу — стоя на ветру у причала морвокзала в ожидании катера «на ту сторону», мы уже разговаривали с ним как давние приятели. Вскоре русский поэт Владимир Иванович Науменков станет моим самым близким другом, и подружим мы целых три десятка лет, вплоть до его кончины.

В 1964-м меня второй год кололи в легочном диспансере, он находился неподалеку от пединститута, и волей-неволей я часто ходил мимо здания, где еще недавно учился. 27 апреля буквально нос к носу столкнулся с ректором С. П. Соловьевым. Он, как и я, шел по скользкой от еще не стаявшего льда обочине дороги. Сергей Петрович остановил меня вопросом: «Не хочешь обратно в институт? При условии, конечно, что осознал все...» «Неужто возможно?» — удивился я. Ректор объяснил: для этого требуется одно — покаяться. И, видя мое замешательство, добавил: «Думай! Надумаешь — приходи ко мне. Но нужна будет при восстановлении хорошая характеристика

с места работы...» Я не очень-то всерьез воспринял его слова — ведь с момента моего изгнания прошло всего два с половиной месяца.

Спустя многие годы Сергей Петрович признался мне, что когда после собрания, исключившего меня из ВЛКСМ, к нему подошла Н. А. Бондарева и пожала руку, ему стало как-то не по себе, и он задумался о последствиях того, как обошлись они со мной, девятнадцатилетним юношей, к чему он, как ректор, имеет самое непосредственное отношение. По словам С. П. Соловьева, инициатива восстановления в институте принадлежала ему. Я же долгое время полагал, что она исходила из Москвы, которая, как говорилось в таких случаях, «поправила товарищей на местах, перегнувших палку».

Этот разговор мы с Соловьевым вели в газетном киоске напротив «Даров природы», куда он устроился в конце 1970-х, разделив в чем-то мою участь. Было ему тогда шестьдесят лет. Мы подружились с ним. В 1980-м я записал его на пленку, и его голос прозвучал 9 мая в радиопередаче, посвященной Дню Победы.

Он жил на Партизанской в добротном двухэтажном каменном доме вместе с «крупняками»-обкомовцами и другими номенклатурными работниками. Близ дома, посреди травы и деревьев, а точнее между ним и полуразрушенной лестницей, что вела вниз, на Советскую улицу, стояла скамейка. Осенью 1990 г., увидев на ней Сергея Петровича с Антошкой, я присоединился к ним. Там, в еще не поредевшей зелени, было все же укромно, хотя по соседству — бельевая веревка и на ней что-то сушилось. Соловьев, отвлекшись слегка на меня, продолжил беседу с Антошкой. Тот молча и внимательно слушал хозяина.

Я плохо знаю собак, несмотря на то, что в детстве, живя на Вилкойской, мы держали их, и моим лучшим другом — как в 90-м у Сергея Петровича Антошка — был Моряк, похожий на овчарку. Я любил своего молодого еще, но уже довольно крупного пса за незлой нрав и верность, но обучением не занимался — иначе бы никому не удалось отравить его мясом с патефонными иголками. Сделал это сосед-собачник. За забором его дома напротив нас всегда лаяла масса собак на привязи: он выращивал их со щенков, убивал, сдирал шкуру и сдавал ее вместе с «тушей» государству — на мыло и на мех.

Моряка собачник отравил в отместку за пропавшего у него породистого щенка, которого куда-то увели мальчишки с нашей улицы, а указали на меня. Моряк умирал почти сутки, в страшных мучениях. Мой отец вначале вроде бы собирался привлечь отравителя к суду, но потом оставил это дело так. Прошло пятьдесят лет. Фотография Моряка у меня на рабочем столе. В начале 1990-х, встретив в городе пожилого сына собачника, я узнал, что его родитель дожил до глубокой старости. Сын собачника уже не служил, как в пору моего детства, в КГБ, хотя народ не ошибается: бывших чекистов не бывает. Как, впрочем, и поэтов.

...Как-то само собой речь у нас с С. П. Соловьевым пошла о собаках. Но, перечитав тогдашнюю запись этого разговора, понял, что больше все же не о них.

— Как я начал себя помнить, знал, что они у нас есть. В детстве — Шарик: утром пастух стадо гонит, он рвется с цепи проводить, а вечером встретить — мои родители отпускали его... Даже в Китае, когда преподавал в Хэйлундзянском (Харбинском) университете, тоже держал собаку, беспородную, правда. Ее они потом съели — местные. Такой обычай, значит. Жалел я, конечно, но не обиделся. Прилежные, сильно тянулись к знаниям. Я там две книжки издал, одну на китайском языке — «Курс лекций по русской литературе».

И в Ленинграде, после возвращения оттуда из трехлетней командировки, завел эрдельтерьера. На Камчатке сперва на охоту с Динкой ходил. Со знакомыми пограничниками. Да и — я ж стал начальник — звучит: «Сергей Петрович поехал на утку». Или на кулика. (Другие в преферанс играют.) Но заядлым охотником я не был. Только для Динки и охотился, чтобы не испортить собаку: легавая. Пять лет прожила она у меня, чуть больше, чем я ректорствовал в пединституте. Пропала куда-то. То ли украли, то ли еще что... Думал взять, какая попадется. А жена ругает: надо, мол, с пользой, сторожевую. Что только сторожить! Все добро — книги. В Ленинграде большая часть осталась. Я ж там Герценовский институт народов Севера закончил и аспирантуру. И кандидатскую там защитил «Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина». Его девиз стал моим: «Быть человеком даже перед собой — большое дело». Хорошо сказано, верно? ...Так возник в доме Марс. Как он людей чувствовал!

— А не он ли покусал ректоршу, что «наладила» Вас с института?

— Ха-ха-ха! Да Марс добрейший из добрейших был. Набрехали они на пару с партийной секретаршей (парторгом института являлась супруга секретаря парткома УКГБ по Камчатской области. — *В. П.*). Марс голоса не подал. Я открыл, спрашиваю, зачем пожаловали. Приказываем, говорят, проголосовать. Ответил, что приказов не выполняю — не в армии. Так они выдумали: собаку на них спустил, «антисоветчик» и т. д. и т. п. Я же просто себя в списках не обнаружил, а проверяться к председателю избирательной комиссии не пошел, домой отправился.

Им требовался только повод, в этом я убедился. Не могли простить, что я не гордый, что с должностью заведующего кафедрой русской литературы расстался спокойно, как прежде с ректорской. И потом — знал их, как облупленных. Подавляющим большинством исключили меня из партии (вступал на фронте в 1942 г.), «по окончании трудового договора» уволили, и я потерял все надбавки. «Направил»... Марс никогда никого не тронет. Это недостаток у него был — доброта.

— Вы Марса любили больше всех?

— Очень. Мать его у меня жила, она замучила меня щенками: каждый год штук по восемь. Решил мать отдать, а щенка от нее оставить. Какой вылезет из ящика первым. Вылез он. Очень добрый был. На улице детишки плачут, подбежит — слезы слизывает. И еще одно: ведут в садик, ребенок капризничает, мамаша там или папаша принимаются шлепать — Марс рычит (я его сразу — на поводок...). Зато гонял кошек. Самая любимая игра — на дерево их загнать. Соседи же имели не то две, не то три кошки. Стеклом отравили. У собак есть... Сыт, но нашел — сам нашел что-нибудь, кость обглоданную даже — и рад донельзя. Ему положили на дворе котлету...

Десять лет мы с ним дружили. Один год вообще тяжким выдался: исключение, устройство на новую работу... Марс — единственный, кто по-настоящему — человечно — отнесся ко мне.

— Когда Вы сказали, что у Вас застрелили собаку, я подумал, это Марса...

— Маленькая собачонка была у меня, болонка. Я уже в киоске газеты продавал. В 1983-м. Иду к семи часам утра на работу, она со мной дорогу перебегает. Слышу выстрел — собачка между ног моих падает. «Что же вы делаете? Посреди города!» — кричу. А он, молодой парень, отстрельщик, в ответ: «Заткнись дед! Нам два пальца обо... и тебя хлопнуть».

— Легко им так обращаться с безоружными!

— С войны — а она длилась для меня шесть лет, начинал в финскую, закончил на Западной Украине, где бандеровцы — не стрелял в человека. На фронте — совсем другое дело. Однажды «своего», не пулей, правда... Перед выходом из окружения под Синявиным (Ленинградский фронт, 1942 г.) мне земляк передает, мол, так и так, вызывает тебя особист. А я знал, что это такое. Вызовут бойца, и — все, никто его больше не видит. Расстреливали, в ком сомневались.

Я беру свою рацию (по специальности я радиотехник, а до войны монтером был) и прямым ходом на передовую. Когда же стали выходить из окружения, там вообще страшные вещи творились: для выхода оставалась узенькая ленточка — по краям болот, а тут — разбитая дорога, очень маленькая. Немцы поставили по краям этой дороги огнеметы. Самое страшное — видеть, как идет толпа людей, и огненный шар сжигает их. Мы, человек пятьдесят, как только уместились, когда она рассчитана не больше чем на пятнадцать, мы все забились в эту землянку, воды почти по горло... Смотрю (слезы навернулись на глаза) — он! В солдатское переоделся. Я сказал ребятам. Его схватили — и под воду. Так держали, пока не пришел каюк. Многих же он погубил!

— Вы говорили, что на собаку можно положиться. На любую?

— Собака никогда не предаст. И, учти, по собаке можно определить хозяина. Она ведет себя, как он, если им воспитана со щенка — мои так все почти такие были.

За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкаской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при прорыве обороны противника и форсировании реки Прут ему ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир 745 ОБС
Катинич А.И.
1945 года.

За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкаской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при освобождении города Хуши он ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир 745 ОБС
Катинич А.И.
1945 года.

За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкаской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при осуществлении прорыва и форсировании реки Прут ему ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир 745 ОБС
Катинич А.И.
1945 года.

За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкаской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года в ходе по осуществлению прорыва обороны противника Уманьско-Трастневской группировки немцев он ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир 745 ОБС
Катинич А.И.
1945 года.

За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкаской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при освобождении города Черкассы он ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир 745 ОБС
Катинич А.И.
1945 года.

За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкаской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при освобождении города Черкассы и выходе из государственную границу он ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир 745 ОБС
Катинич А.И.
1945 г.

Справки, выданные в 1945 г. лейтенанту Сергею Петровичу Соловьеву
об объявлении благодарностей за отличия в боевых действиях

— И на войне?

— Нет, в Германии нет. Подобрал я подстреленную овчарку — немцы, видать, подстрелили и бросили. Взял я ее, выходил. Мы тогда наступали. Ранило меня: в землянку попал снаряд, завалило. Слышу: «Не спеши откапывать — они все тут мертвые». Я зашевелил ногой, чтобы поспешили. Откопал. Я, значит, попал в госпиталь. Возвращаюсь. Она увидела меня, обрадовалась, прыгнула с машины и — прямоиком под «студебеккер». Винил я себя: привыкла ездить со мной на «оптеле» — я в кабине, она на капоте...

Сергей Петрович замолкает, смотрит на своего маленького друга.

— Ну что, Антошка? Домой? Погоди малость. Антошка-то самый умный у меня. Та, которую застрелили, по преданности такая, как этот, но чтобы все (все совершенно) понимала — впервые. Все стрессы снимает. Я расстроюсь, вроде вида не подаю, он сразу же ко мне ластится — чувствует. С ним никто не нужен. Народ все больше становится подлецом. Подлость увеличивается, а не уменьшается. Утрачена нравственность. Кругом безграмотность и неинтеллигентность. И эта еще — эмансипация. Я ее никогда не признавал, русскому человеку она чужда. Меня всю жизнь шокировало, что они, видишь ли, стремятся быть наравне. Но сам не мог обмануть ни просто человека, ни женщину...

Сергей Петрович опять переходит к собакам. Перед Антошкой у него был Дим.

— Этой зимой я поскользнулся — за Димом (колли) побежал, он и свалил меня с горки. Зимой-то не чистят теперь, начальство отсюда съехало. Дим понимал, что я болею из-за него. Подойдет, руку лижет — виноватится. И сует мне лапу: не злись, мол, на меня...

Для меня исчезновение отсюда номенклатуры было новостью. За год до этого, проходя мимо, подсел к нам на лавочку один из соседей Соловьева секретарь обкома по идеологии Семен Гаврилович Танский. Его я знал с 1968 г., он выступал на августовско-сентябрьских курсах повышения квалификации журналистов, где учился и я, сотрудник рыбацкой газеты «За высокие уловы». В перерыве задал ему вопрос по чехословацким событиям, но ответ получил очень уж мудреный, ничего не понял, а попросить растолковать постеснялся, дабы не сочли дураком: в молодости этого боишься, как огня.

Сергей Петрович как-то обмолвился, что, когда его выгнали из института и КПСС, хотели переселить из «элитного» дома, но он отказался наотрез, и от него отстали.

— Я без собаки не могу обойтись, — продолжает мысль Соловьев. — Дима нет. Что делать? А тут — Антошка. Дождь лил ужас какой! Приносят его. Уборщица из нашей бани (свою карьеру бывший ректор КГПИ завершил банщиком. — *В. П.*) С рукавицу был. Но — дом незнакомый (кто-то бросил его на улице), и он хочет уходить с теми, кто принес его. Мокрый весь.

Я его вытер. Рычит на меня. Уложил отдыхать на кухне и лег спать. Думал: там и наклал, и налил. Ничего подобного. Открываю поутру дверь — он сразу ко мне. Пошли гулять (поводка у меня не было), от меня не отходит. Покормил. С тех пор всюду со мной. Легавая, та глупа была: в своем охотничьем деле разбиралась, а человеческий язык не понимала. Нам с Антошкой вдвоем хорошо. Глянешь на него, и душа тотчас отходит. И мир кажется лучше. Будто плохого и нет ничего на свете.

С. П. Соловьев умер в марте 1995 г., мне довелось участвовать в организации его похорон. В последнее время у него была другая собачка — помесь болонки с пуделем; ее мы с женой нашли в лесу в районе Горизонта-Севера и отвели ему. Он уже почти не вспоминал о войне, а если я подводил разговор к этому, неизменно повторял: «Уж лучше бы я остался там, с убитыми товарищами...» Спорили мы редко, но однажды, осенью 1994 г., едва не рассорились. Из-за Александры Терехиной, бросившей институт в бытность Сергея Петровича ректором.

Она училась на начфаке — факультете подготовки преподавателей начальных классов. Александру, по ее словам, обвинили в ненадлежащем виде (чересчур короткие юбки и слишком модные прически), который она менять не пожелала. Потом А. Терехиной удалось восстановиться, правда, уже на заочном отделении, и она долгое время работала в детском садике.

Саша присутствовала на собрании, где меня «судили», и бросала в мою сторону сочувственные взгляды, которым я не придавал особого значения, но в память они врезались. Под самый Первомай, как бы даже не 30 апреля, она остановила меня на Ленинской: «Я тебя всюду искала. Валька, ты не представляешь, как мне хочется поговорить с тобой!» Мы не были знакомы, и я растерялся, но больше не от этого: дурная слава преследовала ее.

Но и меня — тоже! Я уже вкалывал на заводе, а представители партийных органов продолжали трепать мое имя, выступая перед своими одночленниками. (И начинали везде стереотипно: «Был такой студент Пустовит, он...») Причем, не только в областном центре. Как мне рассказывали северяне, эта мода докатилась аж до Тиличик.

В бывшем партархиве я обнаружил справку о работе Петропавловского горкома КПСС по коммунистическому воспитанию студентов, составленную инструктором идеологического отдела Камчатского обкома партии А. Черкашиной. «При оценке знаний студентов не всегда учитывается их общественно-политический облик, убеждения, проверенные на конкретных делах», — значилось в документе. «К сожалению, есть преподаватели, которые довольствуются лишь формальными ответами студентов, не интересуются их моральным обликом.

Декан историко-филологического факультета, кандидат исторических наук т. Ваганов, экзаменуя по истории КПСС бывшего студента Пустовита,

не разобрался в его истинных убеждениях, не знал этого студента и оценил его “знания” на “отлично”. Убеждения и взгляды Пустовита в действительности были троцкистскими, он был вскоре исключен из пединститута... Нужно добавить, что при обсуждении поведения бывшего студента Пустовита многих преподавателей не было, а заведующий кафедрой марксизма-ленинизма т. Гайсин даже не знал сущности его персонального дела» [53]. Документ относится к протоколу бюро обкома КПСС от 6 мая 1964 г.

...Мы договорились встретиться с Сашей Терехиной в воскресенье 3 мая. День выдался необычно теплым (плюс двадцать). Весь город, казалось, высыпал на улицы — до того былолюдно.

Моя новая знакомая явилась на свидание в три часа к кинотеатру «Октябрь», здание которого занимает теперь школа олимпийского резерва. Она привлекала внимание окружающих не только своей внешностью, но и экстравагантной одеждой: светлое пальто по последней моде и такая же шляпа. Я, в сравнении с ней, выглядел в самом деле «дешевым пижоном» (неполитическая кличка, данная мне еще в институте дочкой секретаря горкома партии). Но это — мелочи. Я чувствовал себя рядом с тоже городской знаменитостью, но иного рода, откровенно скажу, весьма неловко, и вообще всегда, по возможности, сторонился мест большого скопления народа. Поэтому сразу же предложил Саше пойти на берег Авачинской бухты.

Ровно через шесть лет, вспоминая тот день вдали от Камчатки в приморском Имане (Дальнереченск), я записал в своем армейском дневнике: «Да, это был день счастья. Я много раз возвращался к нему, сначала душой возвращался, и теперь только мысленно, и все думал, что был счастлив. Я был счастлив, смутно понимая это, трезвый, я был хмельным, а самое главное — искренне поддался влечению этого счастья... А 5 мая вдруг повалил снег и, казалось, что все это только приснилось: и по-летнему жаркое солнце, и сверкающая под его лучами волна, и камушки, по которым я ступал, не веря в такой неожиданный, невероятный подарок судьбы».

Мы с Сашей просидели на бухте весь день. Я впервые целиком доверился почти незнакомой женщине. Просто мы поверили друг другу. Наши разговоры походили на взаимную исповедь. Вскоре у меня появились стихотворные строки:

*И, как люди раскрывают души,
раскрывают лепестки цветы.*

Женское тепло и ласка, словно сговорившись с доброй природой, унесли меня совершенно в другой мир, где нет лжи, подлости, предательства, хотя я часто с горечью говорил о них тогда на берегу. Падая в глазах окружающих, я никогда так высоко не поднимался в ощущении себя, в понимании женщины как таковой.

Была уже ночь, когда я провожал Сашу домой. Жила она в Сероглазке на Беринга, и, чтобы быстрее добраться туда, мы долго шли по прибойке, минуя мехзавод, а потом трудно, но весело взбирались по крутому скалистому склону к домам с погасшими огоньками, и нас облаивали лишь собаки, да и то не слишком рьяно, пожалуй, даже лениво. Помню Сашин длинный моднячий шарф, ее прощальный взмах руки и свой одинокий путь на Комсомольскую площадь. Он был коротким под впечатлением нашего дня, и еще потому, что навстречу не попалось ни души. Город давно спал перед новой трудовой неделей. Мне же никак не спалось. Однако на работу к восьми я не опоздал...

Стихотворение «Королева города», посвященное А. Терехиной, быстро завоевало популярность у молодежи, в чем убедился, когда читал его со сцены Дома офицеров Советской армии, где выступал вместе с другими участниками Первой конференции творческой молодежи Камчатки в середине ноября 1964 г. Стихи эти были написаны в филимоновском доме на Фрунзе; там я некоторое время обитал, работая слесарем.

Комнатка моего служивого друга пустовала, и его родители заботились обо мне, как о нем, особенно Валентина Феодосьевна. Платил я только за кормежку тридцать рублей и — все. Меня всегда удивляло, как Валентина Феодосьевна умудрялась вести хозяйство при мужниной зарплате в две сотни. Сама она все время была домохозяйкой, растила сыновей... Правда, при доме имелся маленький огород, с которого собирали самое большое мешка полтора картошки, да курятник с десятком несушек. По утрам я выпивал пару сырых яиц, пил чай и бежал на работу. Мы с отцом Фэ Дмитрием Павловичем часто толковали о политике и истории КПСС. После гибели среднего сына он стал с недоверием относиться к правящей верхушке советского государства, оставаясь при том коммунистом-ленинцем.

А событий в мире политики происходило много: в соцлагере начиналось брожение, постоянно подогреваемое разногласиями КПСС с компартией Китая, мировое коммунистическое движение раскалывалось — появлялись все новые и новые просоветские или прокитайские группировки, в компартиях стран Запада (за исключением США, существовавшей на советские деньги) брали верх либеральные, «ревизионистские» тенденции.

Слушали мы преимущественно «Пекин». Это позднее, после прихода из армии А. Филимонова и образования нашей пассивной антисоветской группы, собиравшейся в его комнате, мы перетасили туда приемник (помоему, это была радиола «Балтика») и ловили не только «Пекин» и «Голос Америки», но и «Свободу». Так продолжалось года два, пока Фэ не поступил в ДВГУ летом 1967-го.

Несмотря на внешнюю грубоватость, Валентина Феодосьевна была добрым, отзывчивым человеком. Ко мне она относилась как к сыну, и я ее называл «мамой Вале́й». Привечала она Владимира Науменкова, который через

меня потом познакомился с Александром Филимоновым, и вчерашний солдат в первую же встречу с поэтом перестал смотреть на него как на офицера и увидел в нем талантливого человека и едва ли не политического единомышленника. Конечно, главную роль сыграли Володины противоправительственные стихи из рукописи «Век отступлений» и, прежде всего, поэма «Мавзолей Ленина». Все новые науменковские стихи впервые читались в исполнении автора в «опальном домике», как окрестил филимоновское жилище другой русский поэт Анатолий Саньков. Кроме него и меня, сюда приходили еще двое студентов КГПИ — с иняза Виктор Новокрещенов и Альбина Колышкова, учившаяся на филфаке. Из рабочих появлялись Иван Морозов и Вячеслав Титов.

Вот и вся наша группа. Каждый из нас был уверен в своих товарищах, как в самом себе. И о существовании нашей компании, ведущей беседы на исторические, политические, философские и литературные темы, а также на темы искусства, причем в явно оппозиционном к коммунистической идеологии духе, кэбээшники, скорее всего, не ведали. А все оттого, что ребята подобрались твердые, не болтливые; внедрить же к нам чужака было дохлым номером.

Из многих наших разговоров запомнилось обсуждение открытого судебного процесса над литературным критиком А. Сиявским и переводчиком Ю. Даниэлем. Они около десяти лет выступали на Западе как антисоветские прозаики, печатаясь там под псевдонимами. Естественно, мы дружно осудили процесс, назвав его отрывкой сталинизма. Да и статью УК им шили мою: 70-ю.

Несколько смущало нас одно обстоятельство: оба подсудимых здесь, в Советском Союзе, никогда не входили в число критикуемых в прессе за «вывихи», «заблуждения» и «ошибки», как это случалось, скажем, с Е. Евтушенко или И. Эренбургом.

Уже в постперестроечные годы А. Сиявского издали в России. И я подумал, что защищали их наши ребята в 1966 г. правильно, а вот беспокоились за дальнейшую судьбу напрасно. Условия отсидки позволяли им продолжать творческие опыты. Проза Сиявского мне как-то «не глянулась», зато хватило терпения дочитать до конца его большую литературоведческую работу «Прогулки с Пушкиным». Затем я ознакомился с откликом на нее эмигранта первой волны Романа Гуля «Прогулки хама с Пушкиным». И мне показалось, что старый писатель, вынужденный покинуть Родину на заре советской власти, все-таки прав.

По нашим понятиям 1960-х годов, публикация протестных произведений на Западе являлась показателем смелости и презрения к существующему политическому режиму. У меня кое-что для этого уже имелось, но только стихи: «Просительная пятница» (1964), «Страна», «Старый вальс» (1965), «Я — маленький советский человечек...», «Завещание», «Преферансисты», «Пожар» (1966). А вот у Александра Филимонова была проза. Как-то поздней осенью 65-го, вскоре после его возвращения из армии, я спал в «опальном

домики», как делал часто, когда засиживался у друга; посреди ночи он растолкал меня и объявил, что «накатал» рассказ. И тут же зачитал его. Ниже приводится этот рассказ. Впервые без купюр, то есть в таком виде, в каком не удалось напечатать его даже в начале 1990-х гг.

«Было ли это со мной, я не знаю, но что-то я пережил, что-то осталось во мне на всю жизнь. Холод всегда располагает человека к теплу, независимо от того, какова его природа. Моя жизнь лишила меня ориентации во времени: смену дня и ночи я воспринимаю как одно сумрачное утреннее пробуждение. Казалось, не дожидаться того вечера, когда я опять смогу утолить свой жаждущий организм в каком-нибудь кабачке, где захмелевшие политики из народа, которым я составляю компанию, поставят мне стакан вина, а затем я, став уже значительно смелей, утолю свою жажду — все повторится.

Но сейчас я ощущаю только холод. Немного покачиваясь и сжавшись, чтобы удержать в себе остаток солнца — как все живое и горячее, получая жизнь от него... Нет, на таком холоде развивать теории невозможно.

Вдруг я почувствовал на себе взгляд, не безразличный — восхищения я не мог вызвать, а любопытствующий. То была (вы уже догадываетесь, кто это мог быть) добрая душа и, как ни странно, в женском теле, и притом молодом и привлекательном, даже красивом. Я ухватился за спасительное занятие, внушил себе, что я влюблен, и пожертвовал всеми другими делами с самого утра: выясняю, куда она ходит, чем живет. Если чем-нибудь отвлечься, то можно забыть и про холод, и про урчащий желудок, и про душевную жажду.

Пропустив ее вперед и отдав оценку ее достопримечательностей на десерт (извините, что я так часто употребляю кулинарные термины; не забывайте, что у меня еще есть желудок), я стал рассуждать, чем я мог привлечь... вернее, вызвать любопытство у столь экстравагантной особы. Наверное, у меня очень бледное лицо после бурно проведенной ночи, которую я провел в бессознательном состоянии, а глаза мои в последнее время начали слезиться, что тоже могло привлечь ее внимание, так как в них могли отразиться утренние огни, что при небольшой фантазии можно было принять за блеск.

Не найдя больше в себе ничего особенного, кроме молодости и внушительного роста, я перешел на свою незнакомку. Да, она напоминает изящную бутылку французского вина, которую я видел в каком-то кинофильме... Опять алкоголь! А я на данном этапе — влюбленный, и должен забыть о прошлом и будущем. Глаза у нее искрятся, как шампанское, а ресницы длинней, чем усы у креветки, которыми мы в какой-то компании славно закусывали.

...Так, она вошла в гастроном. Подождать или зайти? А вдруг она продавщица да еще в ликеро-водочном отделе? Надо войти. Где же она? У витрины смотрит на яблоки. Да, так я могу окончательно исправиться (я уже, наверное, тридцать минут не думаю о водке и...). Она у кассы. О, большая сумма:

десятки и — много. Предложу помочь нести покупки, а там — разговор, займу трешку.

Так, яблоки, конфеты — о! Бог ты мой, она взяла коньяк, сыр. Но зачем коньяк?! Меня уже не будет интересовать это прекрасное создание — я буду преследовать “пять звездочек”.

Но что это такое: она зовет меня... Начинается.

“Молодой человек, может, вы догадаетесь помочь мне?” “С удовольствием”. “И как вас зовут?” “Игорь. А вас?” “Наташа”. “Очень приятно. И куда мы пойдем?” “Я должна зайти на почту и дать телеграмму маме, а потом пойдем ко мне, если вы, конечно, ничем не заняты. И не удивляйтесь, что я могу так запросто ввести к себе мужчину — для вас исключение: у вас такой бледный вид и вам, наверное, некуда идти...”

После такого длинного монолога она исчезла в дверях почты, а я был охвачен невообразимой идеей — со всеми покупками смыться и где-нибудь спокойно распить бутылку коньяка. Но — где? С бутылкой можно зайти к любому, но все они пьют не меньше меня, и тогда мне достанется неточная половина.

“Ну, пошли, Игорь!” “А далеко?” “Да нет, совсем рядом. Так вы, вероятно, очень довольны, что вам подвернулся случай познакомиться с такой сговорчивой девушкой, как я, которая предоставляет вам квартиру, вино и еще что-нибудь. Не так ли?”

А она сообразительная. О чем же я могу еще думать... “Но от вас пахнет водкой. Вы, вероятно, где-нибудь пьянствовали всю ночь, проспали с женщиной, и теперь, во избежание встречи с ее супругом, вовремя убежали, и вам некуда идти, а я для вас спасительная зацепка. Если так, то я не пойду с вами. Говорите правду, Игорь”.

Я рассказал правду. Заканчивал уже раздетый, греющийся руки у батареи; она стояла в пальто и внимательно меня слушала. От такой счастливой перемены я впал в откровенность, к чему располагали ее умные глаза. В них было любопытство, страдание, обида.

Нет, мне надо смыться, а то еще присосет к этой особе, и опять начнется серая жизнь рабочего или учащегося, или того и другого вместе, в чем я ей откровенно и признался. Она быстро сняла пальто и стала накрывать на стол. Квартира говорила, что здесь живет не рабочий, не служащий, а босс. Комфорт.

Я сел без приглашения за стол, откупорил бутылку и выпил с дрожью в теле маленькую рюмку. Мы плотно закусили, пили вместе — один к четверем. Я распоясался. Читал стихи, говорил о поэзии, но вот подошел к своему излюбленному коньку — политике. Разношу по косточкам советскую власть, призываю расстрелять коммунистов, совершить с Лениным то, что сделал Никита со Сталиным: выкинуть из мавзолея. Затем с удовольствием

затягиваюсь сигаретой и смотрю на свою невозмутимую собеседницу, и вдруг ужасаюсь: за створкой распахнувшегося шкафа вижу мундир полковника милиции. Пропал!

Перехватив мой взгляд, она грустно улыбнулась: «Папы нет. Он умер. Мама в командировке. Можешь лечь на диван и отдыхать. Потом поговорим... Я уйду в институт. Он умер совсем недавно. Был хороший для меня, для мамы, для кого еще — не знаю. Ну, спи, я опаздываю... Я очень грущу о нем, не нахожу себе места... вот и пригласила тебя. Мама тоже страдает, обещала привезти бабушку».

Я молчу, переполненный чувством облегчения и еще чего-то, в общем разговором, быстро ложусь, слыша, как она собирается и уходит. Засыпаю. Что будет дальше?»

Рассказ «Случайное знакомство» Александр Филимонов написал, встречая со студенткой КГПИ Линой Тереник, весьма неординарной личностью. Я слышал, что ее отец разбился на мотоцикле около стадиона «Спартак» на Набережной; там опасный поворот, и до сих пор нередко происходят аварии.

...Мать Фэ постепенно начала симпатизировать нашим взглядам, но боялась, как бы не засадили младшего сына. «Да ты, мамка, не волнуйся!» — успокаивал он ее. — Здесь все свои, а на улице мы не выступаем...» Бывало, послушав нас, Валентина Феодосьевна вспоминала какую-нибудь историю из прошлого. В детстве, во время гражданской войны, она жила в Приморье. Ее рассказ о том, как под покровом темноты на городской окраине красные партизаны зверски расправились с провожавшим с танцев барышню белым офицером и с ней самой, так взволновал меня, что я тут же написал стихи об этом («Старый вальс»). Несмотря на то, что муж состоял в партии, коммунистов она не любила и называла их — повторяя, видимо, чьи-то слова из детства — не иначе, как «товарищи-сукины сыны». Однако критически относилась и к западным «голосам».

— Я, конечно, — не Шолохов, но скажу... — передразнивала она некоего «сатирика Петра Смолкина», подвизавшегося на радиостанции «Свобода»; ей не нравился его ехидный тон. Улавливая злорадные нотки у других закордонных «друзей советского народа», мама Валя часто повторяла: «Ничего хорошего они нам не хотят — хотят, чтоб еще хуже было». Как в воду глядела!

...В те годы, когда мы стали более-менее регулярно собираться у Филимоновых, среди нас Саши Терехиной не было. Ей принадлежало начало лета и осень 1964 г., один раз вместе со мной и родителями Владика она даже ходила на его могилку. «Королева города» произвела на Валентину Феодосьевну благоприятное впечатление своим умом, душевностью, простотой и бескорыстием. Но, заметив в моей комнатке ее портрет в деревянной рамке, подошла, долго рассматривала, ничего не сказала и, вздохнув, ушла на кухню. Теперь я догадываюсь, что смущало маму Валью: резкая, какая-то

вызывающая красота молодой женщины. Тогда я не понимал всего этого, только предчувствовал крах моих юношеских иллюзий.

Мне в то время не исполнилось еще двадцати, Саша Терехина была старше меня на два года, но рассуждениями гораздо взрослее. Я влюбился в нее 3 мая 1964-го. Да иначе и быть не могло. Она возникла в моей жизни подобно Ангелу Хранителю и, завершив свою миссию, исчезла так же внезапно, как появилась. Хотя у нас с ней до сей поры сохранились добрые дружеские отношения. И я в 2008 г. решился, наконец, включить стихотворение «Королева города» в наш совместный с В. Наumenковым и А. Саньковым поэтический сборник «Три Брата». А до этого все считал, что оно технически несовершенно. Так и сказал как-то по телефону Александре Андреевне, добавив: «Но что-то в нем есть. Не пойму что...» Она, не раздумывая, ответила: «Душа есть!»...

...Возвращаюсь снова к своей «институтской эпопее». Почему я уделяю ей столько места? За всю полувековую историю КамГУ им. В. Беринга это было единственное громкое политическое дело, вдобавок, с «благополучным исходом».

12 сентября 1964 г. состоялось комсомольское собрание третьего курса филфака КГПИ. Копию протокола этого собрания мне недавно передала заслуженный работник культуры России Надежда Курохтина (в девичестве Захарова). Подлинник хранится у нашей однокурсницы Валентины Мелехиной.

Первой выступила комсорг комбината бытового обслуживания. Она говорила обо мне как о трудолюбивом рабочем и активном общественнике. Выполняя комсомольское поручение студентка Надежда Сандул подтвердила слова представителя трудового коллектива: «Я посетила рабочую организацию (ходили они туда вдвоем с комсоргом группы Надеждой Захаровой. — В. П.), беседовала с рабочими. Считают его хорошим парнем, ведущим большую работу, среди рабочих читает свои стихи, был дружинником, в патруле...»

Затем начали высказываться другие. Как и семь месяцев назад, мою сторону держала Валентина Соколовская: «Я верю в то, что он осознал свои ошибки, и верю в его желание учиться. Мы знали, что многие его ошибки вызваны бахвальством, стремлением выделиться, незнанием, ошибки от глупости и молодости. У Пустовита произошел перелом, работал и не выражал никаких антилитературных, антипартийных взглядов...» Не поменяла своего отношения ко мне и Лилия Ласенко. Она на сентябрьском собрании дважды замолвила за меня слово, подчеркнув: «Меня глубоко волнует судьба Пустовита, и шелуха с него слетит, а ядро у него здоровое». Секретарь комитета ВЛКСМ факультета Людмила Осьминина была солидарна с Соколовской и Ласенко: «Человек, учась, растет, но рядом с ним группа, коллектив. Пустовит еще не полностью осознал свои взгляды, но постепенно все пройдет. То, что с ним случилось, — это от ошибок, заблуждений».

Так думали не все присутствующие. Студентка Ф. не согласилась с Л. Осьминой: «У меня были сомнения, когда группа защищала тебя. Мы часто говорили о тебе, но твоя связь с Терехиной, которая ухватывалась за уплывающее, грязь, нечистота. Отсутствие друзей, одиночество — это не помогает приобрести убеждения. Я против того, чтобы принять Пустовита в институт — нечистоплотных, грязных людей».

«Я не верю в искренность раскаяния Пустовита. С кем он дружит? Кто тебе помог разобраться в твоих ошибках?» — вопрошала комсомолка Р.

К ним присоединилась та, с коей мы раздружились. Она, во-первых, возмутилась тому, как в КБО «его могли принимать в комсомол (не принимали, а предлагали вступить по-новой. — В. П.), если не знали существования исключения из института». А затем заявила: «Я не верю в искренность раскаяния. Его девиз: “Лучше молчать”. Так он думает до сих пор. Группа его защищала только потому, что, если его выгонят, то посадят в тюрьму. Лично я за то, чтобы Пустовита не приняли в институт. Я знаю взгляды те, которые ты говорил мне только одной. Твое поведение летом (намек на А. Терехину. — В. П.) меня убеждает в этом. Я думаю, что студентами руководит жалость». Она также добавила (этого нет в протоколе) — мол, мы здесь зря тратим время, все равно его возьмут обратно. Мне же она, согласно протоколу, задала один вопрос: как я отношусь к отцу. И спросила она меня после моего ответа на чью-то реплику: почему это она выражает мне недоверие как человеку. Будто непонятно было, почему. Я отмахнулся: «Это — чисто субъективное». (На следующий день 13 сентября я написал «Королеву города»; так что, Ф. и моя бывшая подруга только ускорили появление на свет почти выношенного «ребенка».)

Декан филфака А. Б. Живоглазов, оговорившись, что он не хочет влиять на решение комсомольцев, высказал тревогу по поводу выступления студентки, с которой я раньше находился в самых тесных отношениях. «Честен ли твой поступок? Мы решаем человеческую судьбу. Он идет не на необитаемый остров, а в наш коллектив. Личное должно тревожить наш коллектив и насторожить нас».

Двадцать человек проголосовали за меня, трое против. Но в проекте решения не только обращение в ректорат о восстановлении меня в институте на втором курсе, но и предложение вынести этот вопрос на общефакультетское собрание. Однако никакого факультетского собрания не было. Было единогласное решение группы Р-631 второго курса просить комитет ВЛКСМ передать меня этой группе под ее ответственность.

И 24 октября комитет комсомола КГПИ обсудил данную просьбу.

А за десять дней до этого произошло событие, которое сильно повлияло на отношение ко мне и в институте, и в городе. Еще в апреле, когда Н. С. Хрущеву

Министерство Просвещения

СССР

КАМЧАТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

21 февраля 1964

№ 8

Петропавловск-Камчатский
Областной отдел

СПРАВКА

Дана ПУСТОВИТ Валентину Петровичу в том, что он действительно с 1 сентября 1962 г. по 18 января 1964 г. обучался в Камчатском педагогическом институте на филологическом факультете. 18 января 1964 г. за аморальное поведение и академическую задолженность был исключен со II-го курса института.

ДЕКАН
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (В. П. ВАГАНОВ)

Выписка из протокола № 1

заседания комитета ВЛКСМ КГПИ

от 24 октября 1964 г.

РЕШЕНИЕ

комитета ВЛКСМ от 24 октября 1964 года.

просить ректорат о принятии Пустовита Валентина в институт.

3 октября 1964 г.

СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА ВЛКСМ КГПИ

В. Кравченко

/КРАВЧЕНКО /.

Документы Камчатского государственного педагогического института
об отчислении и восстановлении студента В. П. Пустовита, 1964 г.
(из личного архива автора)

Протокол
комсомольского собрания
группы Р-621 от 12
сентября 1964 г.

Присутствовало - 28

Довестка дня

1. Обсуждение В. Пустовита
вопроса о приеме бывшего
студента нашей группы.

Выступление секретаря
комс. ор-ции комсомола
бытового обслуживания.

Активный ответственный,
делавший большую работу среди
рабочих, издавал газету
просит восстановить его
принять его в институт.

Вопрос: Знает ли секретарь
комсомольской ор-ции
за что исключен Ващенко
из института?

За неустойчивое мо-
ральное поведение - объяснил
он, подробностей не знает.

Фрагмент протокола комсомольского собрания, рассматривавшего вопрос
о восстановлении В. П. Пустовита в числе студентов, 12 сентября 1964 г.
(из личного архива автора)

исполнилось семьдесят, Валентина Феодосьевна Филимонова, рассматривая в газете церемонию вручения юбиляру четвертой Золотой Звезды, заметила среди его соратников пару-тройку откровенно насмешливых физиономий: «Они ему что-нибудь, да подстроят!» И точно: 14 октября «Наш Никита Сергеевич» (название документального фильма 1961 г.) слетел со всех постов и превратился в пенсионера союзного значения. Владимир Науменков привез из Лахтажного стихотворение, посвященное смещению «Хруща», и читал его уже в открытую вкупе с апрельским, юбилейным. «Лучше не будет», — откликнулся на смену руководства мой отец. Спустя год у меня вдруг родились весьма пессимистические строки об исторической перспективе страны:

*...На мавзолее, с красными букетами,
летишь, Россия, ввысь ракетами.
А может, падаешь ты в бездну?
Тебе самой то неизвестно.*

Эти и подобные стихи я теперь уже не держал у себя дома. Балетка с «крамоллой» постепенно заполнялась все новыми и новыми бумагами, причем не только моего «производства» (антисталинские зарубежные статьи революционера-невозвращенца Ф. Ф. Раскольниковца, открытое письмо А. И. Солженицына Четвертому съезду советских писателей и др.). Хранилось все это до весны 1985 г. в надежном месте — на квартире Роберта Моисеева (1937—2007), ныне известного ученого и писателя, Почетного гражданина Петропавловска-Камчатского. Познакомились мы с ним в 1959 г. и все время потом поддерживали приятельские отношения, но до перестройки я старался без крайней надобности не появляться у него (все же чекисты отслеживали контакты тех, кто попал в поле их зрения хотя бы однажды), дабы не повредить Роберту; с годами он становился все более заметной фигурой в городе, занимая различные должности, в том числе исполняющего обязанности главного архитектора.

У него было два требования: о том, что я прячу свои бумаги в его доме — известно лишь нам двоим; он должен точно знать, что это за бумаги. Когда я первый раз принес ему «крамолу», Роберт долго вертел в руках стихотворение «Письмо рабочего» (очень слабое, кстати, в художественном отношении — сплошная публицистика, с характерной концовкой-вопросом парторгу завода: «Куда ж мы все-таки идем?»), решая, можно ли квалифицировать его как прокламацию или нет. Между прочим, тогда же я узнал от поэтессы Валентины Коркиной, что в начале 1965 г. они с прозаиком Анатолием Коровиковым написали несколько антиправительственных листовок и распространили их в областном центре в каком-то продовольственном магазине, кажется, в районе Четвертого километра.

...Членов комитета комсомола КГПИ 24 октября 1964 г. интересовало многое. Спросили, кем работал на производстве, сколько получал и куда девал заработанные деньги. Получка моя не превышала 70 рублей, половину отдавал отцу, на остальные покупал книги. Какие? В основном, молодых поэтов. Знали ли товарищи по работе, за что исключен из института? Некоторые знали. Секретарь парторганизации знал все, отвечал я.

«Встречались ли вы летом со своим прежним другом Игошиным?» Вопрос коварный. Во-первых, они в курсе, что мы с ним виделись. Во-вторых, я не считал Николая «прежним другом». И потом ясно же, что последуют уточняющие вопросы. Я ответил им так: «Да, мы встречались. Но у него уже не те взгляды. Говорит, что ему некогда заниматься ерундой. Сейчас переписку не ведем» [54].

Следующий раз мы встретились с Н. Игошиным в конце 1970-го, когда я, отслужив действительную, возвращался домой через Владивосток, где он после ДВГУ работал в институте автоматики и процессов производства ДВНЦ. Николай продолжал неодобрительно отзываться о Солженицыне (ну не любил он его и все!), говорил, что дело наше 63-го года помнят во Владивостоке, и поэтому ему «не дают визу, чтобы ездить по командировкам».

В конце 1963 г. у него произвели обыск, изъяли мои письма, еще кое-что, допросили, но так как он был не гуманитарий и не комсомолец, ограничились «душеспасительной беседой».

Летом 1974 г. я, отпускник, решивший отправиться в Россию «малым ходом», попал в Колины объятья, едва сошел с трапа теплохода «Советский Союз». Поскольку мы по-прежнему не переписывались, очень хотелось побеседовать обстоятельно. До моего поезда «Владивосток — Москва» оставалось целых четыре часа. Устроившись в привокзальном ресторане, мы наговорились вдоволь. Ругали, по обыкновению, красную власть, коммунистов, делились опытом распознавания провокаторов в качестве диссидентов. Недорогая выпивка и закуска как нельзя лучше располагали к критике советской застойной действительности. Помнится, Николай спросил совета, всегда ли надо бороться с комиссарами, то бишь парторгами. Я сказал, что больше вреда от фанатиков, но и они уже далеко не те, что в пору нашей юности — несколько раздобрели, утратили прежнюю принципиальность...

В 1985-м мы встретились с моим школьным другом в последний раз. 21 апреля 2000 г. он погиб во Владивостоке на операционном столе — не вышел из наркоза. (Как М. В. Фрунзе, на улицу имени которого в Петропавловске Николай часто ходил в юности.)

В 1988 г. Н. Игошин писал мне: «Здравствуй, Валентиша! Извини за молчание. Спасибо, что не обижаешься на меня и радуешь меня своими произведениями. Считаю, что в настоящее время — время разгула демократии — есть возможность публиковать то, что лежало под толстым сукном в темном

чулане. То, что совсем недавно нам казалось невозможным, теперь стало возможным. Недавно в «Огоньке» № 48 прочитал большую статью о Бухарине и, честно говоря, прослезился. Был просто потрясен. Несколько лет назад, будучи в Москве, зашел в Музей революции, что на ул. Горького. Искал фамилии Бухарина, Зиновьева, Каменева, но зря. Что нового у тебя? Думаю, тебе по зубам нечто серьезное в духе времени. Вспомни, как когда-то делали фотографии, собирали статьи о репрессированных видных членах партии. А отношение к этому чекистов? Тебе дан поэтический дар, воспользуйся им».

В юности в дружбе нашей троицы торжествовало равенство, никто ни над кем не возвышался. Иногда мы с Филей разругивались вдрызг, казалось, совсем. Но Коля всегда мирил нас — рассуживал, и всегда по справедливости, как-то по-житейски, что ли, хотя был на год младше Александра, а меня старше всего на восемь месяцев...

В последнюю нашу встречу Николай подарил мне солидный том видного анархиста XIX века В. И. Танеева «Детство. Юность. Мысли о будущем», изданный институтом философии АН СССР. С основными положениями работы этого автора «Теория грабежа» я был знаком. Школьная тетрадка с ее конспектом, присланная другом, была изъята у меня при обыске в декабре 1963-го. Как и все Колины письма того времени. У меня хранится лишь одно-единственное, полученное в перестройку. То, что я цитировал выше. Почерк друга не изменился — крупный, разборчивый, уверенный. Прежними оставались и идеалы...

...24 октября 1964 г. на заседании комитета комсомола меня спросили, слушаю ли я теперь «Голос Америки». «Иногда слушаю, но не более пяти минут: все-таки они порют чушь», — отвечал я, кстати, совершенно искренне [55]. «Голос Америки» рекламировал, в основном, «американский образ жизни», что меня никогда не интересовало.

В 1990-е гг. при рассекречивании документов бывшего партархива я обнаружил постановление обкома КПСС от 23 мая 1956 г. «О неудовлетворительном состоянии иновещания и забивки иностранных антисоветских радиопередач областным управлением связи», перед принятием которого руководитель камчатских коммунистов М. А. Орлов говорил о необходимости технически добиться полной ликвидации (каков лексикон, а?) прослушивания антисоветских передач. И он тревожился не безосновательно.

2 января 1953 г. начальник УМГБ А. Е. Черноштан сообщал в обком партии: «...радиоцентр работал на пониженной мощности, а отсюда создавалась возможность прорыва антисоветских заграничных передач через радиостанции Камчатской области. Так, например: 1) В марте 1952 г. через радиостанцию рыбокомбината им. Микояна в течение нескольких минут транслировалась радиопередача “Голос Америки”; 2) В середине 1952 г. через радиоузел Богачевской экспедиции транслировалась передача “Голос Америки” в течение

пяти минут; 3) 31 декабря с 14.30 до 14.45 минут местного времени производилась передача “Голос Америки” для Дальнего Востока об итогах 1952 г. в Советском Союзе. Причем, как установлено, передача производилась совершенно открыто, без каких-либо помех... В результате отсутствия качественной работы радиопередатчика и подмены мощного аппарата малой мощности радиопередатчика из Советского Союза могли не прослушиваться за границей» [56].

16 августа 1953 г. в Эссо по трансляционной сети в течение пяти минут транслировался «Голос Америки». Работник райконторы связи, ведущий трансляцию (член КПСС), плохо знал правила службы радиостанции; исполняя обязанности начальника трансляционной сети, являлся политически малограмотным «и не мог различить советскую радиопередачу от иностранной» [57]. Виновного отстранили от работы.

Известно подобное ЧП в период Отечественной войны. 10 февраля 1945 г. в 5.30. на трансляционном узле Оссоры по неопытности дежурного радиста-ученика оказалась «включена японская радиостанция, передававшая на русском языке обзор военных действий на Тихом океане» [58]. Трансляция продолжалась пять минут. Дежурный радист и старший радиотехник также лишились работы. Поразительно, но факт: спустя тринадцать с половиной лет история повторилась. 3 августа 1958 г. в 21.10. местного времени во время дежурства телефонистки Г. в радиосеть на волне 31 метр была включена радиостанция «Голос Токио» и «на протяжении десяти минут жители п. Оссора и Оссорского рыбокомбината слушали антисоветскую передачу» [59]. На собрании коммунистов Анапкинском рыбокомбината 21 января 1957 г. приводился аналогичный случай: «Парторганизация района не приняла до сих пор меры к работникам трансузла, которые транслировали “Голос Америки” по всему поселку» [60].

В конце октября 1964 г. на заседании комитета комсомола пединститута вспомнили и о том, с чего все началось: «Тебя всегда интересовала история, а как сейчас?» «Да, раньше меня интересовала история, но в конце 1964 г. я понял, что мое призвание — литература. И сейчас интересуюсь историей постольку, поскольку это связано с литературой» [61].

В тот момент я действительно на время охладел к истории советского общества. И «оттаивать» начал примерно через год. Картина большевистского переворота в России дана мною в стихотворении «Пожар», а первые две строки «Завещания»:

*Пусть на моей могиле будет крест,
а не звезда с пятиконечным жалом...*

грозили вновь, если не 70-й статьей УК РСФСР, то уж введенной в 1966 г. 190-й, пункт 1 — точно: тут вовсе не требовалось доказывать, что обвиняемый ставил своей целью подрыв или ослабление советской власти.

Парторг пединститута, умный человек, поступил, подобно декану факультета. «Как комитет решит, так и будет, — сказал он, — комитет сам может решить. Если Пустовит притворялся, то очень искусно. По-моему, он все-таки осознал все. Далее, весь институт знает, что за ошибки у него, поэтому опасности для студентов он не представляет» [62].

Не помню, сколько присутствовало на том заседании членов комитета ВЛКСМ, но все (при одном воздержавшемся) проголосовали за мое восставление [63]. За три года учебы после этого я не однажды оказывался в тяжелой ситуации, правда, уже не из-за политики, а один раз едва опять не распрощался со студенческим билетом. Выручил меня заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, кандидат философских наук Н. И. Шендрик, у которого я ходил в отличниках. Николай Иванович пользовался непререкаемым авторитетом, как у своего начальства, так и у студентов. Умный, мудрый, веселый, компанейский, любитель анекдотов, гурман, он был душа-человек: простой и добрый.

Еще один преподаватель, к которому тянулись студенты, — Г. Г. Кравченко. Пройдет время — ее популярность среди молодежи достигнет апогея. Она тогда уже будет кандидатом филологических наук, профессором. А в 1964 г. Галина Григорьевна наделала много шума своим замужеством, избрав спутником жизни студента физмата, ленинского стипендиата, самого красивого парня пединститута. Вуз раскололся на два лагеря: «за» и «против». Галина Григорьевна сыграла свадьбу в общежитии, где жила с маленькой дочкой, а после переехала в многоэтажку рядом с КГПИ. Вот туда мы с Владимиром Науменковым иногда и захаживали в 1966—1967 гг. Да и потом, когда он стал штатским человеком, — тоже.

Г. Г. Кравченко была интересным собеседником, обо всем имела свое, зачастую отличное от других, мнение. Знаниями в области литературы и искусства она обладала обширными, объяснить их знаменитой «герценовкой» просто невозможно. Однако не это сдружило нас с Галиной Григорьевной Кравченко (мало ли эрудитов!). При всем при том у нее был живой ум и какая-то, только ей присущая, простота общения, что особенно подкупало.

Натура незаурядная, страстная, она распространяла вокруг себя сильную энергетику — иным словом, харизму. Потому и наши споры с ней порою носили резкий и затяжной характер. Но по природе своей Галина Григорьевна — бунтарь, это я понял сразу, она никого и ничего не боится. И вправду, кого и чего бояться ей, потерявшей в ленинградскую блокаду родных, самой не раз смотревшей в глаза смерти (когда сбрасывала, будучи ребенком, с крыши «зажигалки», и горел госпиталь, где она лежала, уже без ноги). Может, и были у нее минуты слабости, но знаю одно: главными, основными нравственными ценностями — совестью, честью, справедливостью — она никогда не поступилась.

Наши беседы и споры у нее в доме на предмет поэзии часто сводились к ее кумиру В. В. Маяковскому, она в чем-то походила на него, наверное, прежде всего, своей бескомпромиссностью, неумением подлаживаться под других, какое бы положение в обществе те ни занимали.

Молодой супруг Галины Григорьевны Володя Кравченко был под стать ей и умом и талантом, только в несколько иной сфере — по части педагогики и психологии. Однако, если принимал участие в спорах, то пытался перевести их в более спокойное русло, умело срезая опасные углы со свойственной ему деликатностью.

Он вел собрание по моему исключению из ВЛКСМ и заседание комитета по восстановлению в вузе. Я никогда не говорил с ним на эту тему, но что-то мне подсказывало: Володя, насколько мог, сдерживал напор моих противников на собрании, даже, возможно, одной лишь своей, как бы нейтральной, манерой ведущего, а на комитете — наоборот, эта же манера, с другими нюансами, незаметно склоняла чашу весов в мою пользу. Поближе познакомившись с ним, я почти уверился, что все так и было.

...В общем, Галина Григорьевна о моей «эпопее» знала не от посторонних людей. Поэтому делилась со мной некоторой «закрытой информацией» (или «для служебного пользования», что одно и то же). Она принесла домой и позволила мне сделать выписки из машинописных материалов совещания заведующих кафедрами общественных наук вузов Москвы, которое состоялось в Московском горкоме КПСС 4 сентября 1965 г. Речь там, помимо всего прочего, шла об ошибках, допущенных в годы правления Н. С. Хрущева.

«1) Принижалась теория, извращалась деятельность партии в период борьбы за построение социализма под видом критики культа личности. Некоторые предлагали уделять особое внимание последнему десятилетию. 2) Тенденция к ликвидации закона единства и борьбы противоположностей. 3) Принижалась экономическая теория. 4) Октябрьская революция трактовалась как мирная и бескровная, это противоречит ленинской теории социалистической революции, которая вместе с тем и теория мировой социалистической революции. 5) Коллективизация, в основном, проведена по-ленински. 6) Субъективность в освещении истории Отечественной войны. 7) Преувеличились люди, стоящие на троцкистских, меньшевистских позициях: Минин, Раскольников (чернил и оплевывал все наши достижения; только безответственные люди могут расценивать отказ вернуться как подвиг), Стеклов (вел борьбу за срыв Октября, “душитель революции”, по выражению Ленина в сборнике “От Февраля к Октябрю”). 8) Увлеклись лозунгом мирного сосуществования. Лозунг: “Кто кого” в международном масштабе еще не снят.

Как относиться к культу личности Сталина? Руководствуясь Постановлением ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. Но мы стали чернить деятельность партии, ударились в негативную сторону. Период социализма нельзя понять без работ

Сталина. Он писал сам. У него есть выдающиеся произведения. О работе “Марксизм и национальный вопрос” высоко отзывался Ленин. Надо изучать “Об основах ленинизма”, “Еще раз о социал-демократическом уклоне”, “О Великой Отечественной войне”. Конечно, нельзя забывать и отрицательные стороны в деятельности Сталина, репрессии, например, трудно забыть, но “поминальники” (заметки в печати о погибших при Сталине деятелях КПСС и советского государства к юбилеям их рождения. — В. П.) надо прекратить. Критики тех или иных теоретических ошибок Сталина было много, но ни одного обстоятельного разбора ошибок, в том числе и в работе “Экономические проблемы социализма”, не было.

Учебник “История КПСС” выпуска 1963 г. проникнут субъективизмом, надо создавать новый. Решения Пленумов ЦК КПСС 1957 г. никто не отменял. Антипартийная группа выступала с позиций догматизма, за оставление старых методов, сложившихся в период культа личности Сталина».

Моя дружба с Г. Г. Кравченко длилась до самого ее отъезда в 2007 г. в город, где она родилась. Там, в Санкт-Петербурге, через два с половиной месяца она упокоилась и погребена рядом со своей матерью, умершей во время блокады. Последняя запись в ее личном дневнике — есенинская строка: «Не жалею, не зову, не плачу...»

Я часто вспоминаю Г. Г. Кравченко. В трудные моменты жизни она всегда поддерживала меня. Так было, когда в «Камчатской правде» появилась статья против меня. Отклик Галины Григорьевны редакции пришлось поместить вместе с письмом вдовы фронтовика Марии Степановны Медведевой «Я благодарна Пустовиту» [64]. (Ей я помог с публикацией рукописи мужа о войне.)

...Нашу пассивную антисоветскую группу волновали различные вопросы, но чаще всего, когда речь заходила о литературе и искусстве, мы недобрым словом поминали цензуру. И вот весной 1967 г., незадолго до госэкзаменов, я составил «Проект Закона о печати», предварительно обсудив наметки с друзьями в «опальном доме». Так сказать, пофантазировал малость. Проект насчитывал шесть пунктов.

«1. Право на издание газет (журналов), книг, брошюр имеет любая политическая, культурная, творческая, экономическая, техническая, общественная и другая организация, а также каждая социальная группа, государственные органы.

2. Печатное издание финансируется членами данной организации, представительным комитетом социальной группы и государством (если это государственное издание).

3. Государство предоставляет издателю все полиграфические средства, имеющиеся в его распоряжении, за определенную мзду, размеры которой устанавливаются на договорных началах.

4. Цензура осуществляется в целях недопущения выхода в свет печатных изданий, разглашающих сведения оборонного характера.

5. Издатель (равно как и автор публикации) привлекается к судебной ответственности в следующих случаях: а) если в публикации содержится призыв к насильственному свержению строя; б) если публикация оскорбляет или унижает достоинство любого гражданина; в) если издание либо публикация является порнографическим.

6. Государство приостанавливает действие пункта 1 Закона лишь в случае войны».

Для придания заведомо неосуществимому проекту некой «невинности» я предварил его парочкой цитат из товарища Ульянова-Ленина. В первом случае без ссылки на работу вождя, во втором — указав, откуда взято. «...все мнения *всех* граждан свободно можно оглашать» (Ленин). «При издании больших советских газет, со всеми объявлениями, вполне осуществимо было бы обеспечить выражение своих мнений гораздо более широкому числу граждан, скажем, каждой группе, собравшей определенное число подписей. Свобода печати *на деле* стала бы несравненно полнее при таком преобразовании» (В. И. Ленин, ПСС, т. 34, с. 212.).

Цитаты, конечно же, положение не спасали. Ведь только что исключили из КПСС и изгнали со службы офицера ВМФ Владимира Науменкова несмотря на то, что в его произведениях художественных ссылок на Ильича было предостаточно. И опять же, наказан он был, якобы, в основном за другое — за неподобающее поведение, а не за (первый выговор по партийной линии) «элементы безыдейности в поэтическом творчестве и искажение советской действительности в отдельных стихах». Ну до чего ж похоже! У меня тоже — «аморальное поведение»...

...К советской истории как таковой я вернулся в начале 1970-х. «Копал» себе потихоньку из интереса в областном краеведческом музее да записывал в общие тетрадки.

Мои частые посещения музея, находившегося через дом от УКГБ, не остались незамеченными. В январе 1973 г. ко мне в гости пожаловал подполковник В. А. Шаргаев — главный «куратор» камчатской интеллигенции от своего ведомства, мой знакомец по 1969 г. — по второму приводу в КГБ в связи с чехословацкими событиями [65].

Такие визитеры всегда некстати, но в начале 1973 г. я вообще не мог взять в толк, что ему надо. Беседа была какая-то хаотическая, подполковник перескакивал с одного вопроса на другой, но все они касались современной политики КПСС и ее истории. Воспроизвожу слова гостя в изложении и цитатно.

Сталин многому научил партию. Гарантия от культа личности — двадцать один член и кандидат Политбюро. Но там тоже люди, им тоже свойственно ошибаться. Главное — иметь твердое мировоззрение, а временные

установки могут быть критикуемы. О последних почестях (похоронах) Хрущева: «Не так надо было бы...»

Стенограммы Пленумов ЦК КПСС выпускать нецелесообразно, только давать пищу буржуазной пропаганде. «Скажу по секрету: Сталин боялся Кирова». Насчет моих вызовов в КГБ: «Нет, не говори, сначала ты озлобился...» Двадцатый съезд необходим был. Публиковать Солженицына, чтобы составили мнение все, рано. Многие не подготовлены, не так воспримут. Больше вреда, чем пользы. «Зачем телефон выбросил? Думаешь, подслушиваем?»

Я сначала не догадывался, чем вызван неожиданный визит подполковника. Но в августе того же года узнал от Владимира Науменкова, что с ним тоже побеседовали. В. А. Шаргаев просил его «дружески повлиять» на меня. «Все это (дело Кирова и т. п.) никому не нужно. Быльем поросло», — сказал он.

...К этому времени я уже «выжал» из музея по С. М. Кирову все, что только можно. Общие тетрадки с записями пролежали потом без движения, пока не грянула перестройка. Я имею в виду уже упоминавшийся очерк-гипотезу «Закат на рассвете», опубликованный осенью 1988 г. в камчатской областной молодежной газете [64] и перепечатанный «Магаданским комсомольцем» [65]. Куда раньше столичных авторов, в том числе из института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС, пользуясь только открытыми (газетными и книжными) источниками, я выдвинул три версии убийства С. М. Кирова и напрямую вывел этот террористический акт из всей большевистской практики — как до-, так и послереволюционной.

В «Камчатской правде» в 1989-м я завел рубрику «Исторический календарь», писал статьи по материалам ГАКО. А в 1992 г. вообще «разгулялся». Главный редактор газеты Г. Треумова то ли в шутку, то ли всерьез повторяла, что у нее аллергия на мою историческую публицистику, но ни одной статьи не «зарубила» и ни одной запятой не тронула.

Однако больше всего мне пригодились «опасное увлечение» 1960-х гг., точнее, запас знаний, полученный тогда в бывшем обкомовском полуподвале — в Центре документации новейшей истории Камчатской области, куда я попал благодаря давнему приятелю, журналисту и литератору В. И. Лихно и где продержался двенадцать лет и четыре месяца. Фонды камчатского партархива (большая часть документов с грифом секретности) были почти не тронуты исследователями.

Подтвердились мои давние подозрения: советская Камчатка — Камчатка неизвестная. Не говоря уже о периоде революции и гражданской войны в России. Прошлое оказалось совсем не таким, каким его подавали нам всем ранее. Вдобавок, на исторической карте Камчатки XX века я обнаружил «белые пятна» и, конечно же, попытался стереть их. Мне было чрезвычайно интересно. Я чувствовал себя первооткрывателем и своего рода реставратором.

Кое-где в моих работах проскальзывают эмоции. Оно и понятно: ведь, помимо истории, у меня еще одна любовь — литература, и я всю жизнь разрывался между ними. Но, надеюсь, это не те штрихи, которые способны повредить ту или иную картину в целом.

Порой я спрашиваю себя, откуда возникло это, некогда опасное, увлечение историей. Скорее всего, передалось от матери Натальи Терентьевны Дрюченко, школьной учительницы. Она перед Отечественной войной окончила Ростовский пединститут и преподавала там же, на Дону, общественные дисциплины...

ИСТОЧНИКИ

1. ЦДНИКО. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 11—12.
2. Там же. Ф. 720. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
3. Там же.
4. Там же. Л. 2 об.
5. Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.
6. Там же. Л. 5.
7. Там же. Ф. 695. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
8. Там же. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
9. Там же. Ф. 605. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.
10. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.
11. *Назаров Б. А., Гриднева О. В.* К вопросу об отставании драматургии и театра // Вопросы философии. — 1956. — № 5.
12. Там же.
13. Там же.
14. *Сталин И. В.* Собр. соч. — Т. 5. — С. 71.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. 2. — М., 1938. — С. 847.
16. Всесоюзное совещание историков. — М., 1964. — С. 298.
17. Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1962 года // Правда. — 1962. — 15 апр.
18. *Солженицын А. И.* Малое собр. соч. — Т. 3. — М., 1991. — С. 87.
19. *Балдаев Д. С.* Словарь блатного воровского жаргона. Феня. В 2-х т. — М., 1997.
20. Там же.
21. *Пустовит В. П.* Солнце изнутри: Проза. Поэзия. — Петропавловск-Камчатский, 2006. (Библи. «Новой книги», Большая сер.). — С. 133—134.
22. ЦДНИКО. Ф. 77. Оп. 6. Д. 45. Л. 46.
23. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 63. Л. 274.
24. Уголовный Кодекс РСФСР. — М., 1971. — С. 36.
25. ЦДНИКО. ОФ. Д. 1734. Л. 248—249.
26. Там же. Л. 400, 401, 408.
27. Там же. Л. 371.
28. Там же. ОФ. Д. 1740. Л. 113.

29. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.
30. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 461. Л. 60 об.
31. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.
32. Там же.
33. Там же. Л. 2.
34. Там же. Л. 4.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же. Л. 5.
38. Там же. Л. 3—4.
39. Там же. Л. 5.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же. Л. 5—6.
43. Там же. Л. 7.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же. Ф. 77. Оп. 6. Д. 54. Л. 74.
49. Камчатский комсомолец. — 1988. — 20 февр.
50. ЦДНИКО. ОФ. Д. 1734. Л. 248—249.
51. Там же. Ф. 13. Оп. 45. Д. 95. Л. 31, 32, 34, 42.
52. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 6.
53. Там же. Ф. 2. Оп. 34. Д. 48. Л. 84.
54. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 32.
55. Там же. Л. 33.
56. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1685. Л. 6—7.
57. Там же. Д. 1684. Л. 29.
58. Там же. Д. 799. Л. 9.
59. Там же. ОФ. Д. 3449. Л. 144.
60. Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.
61. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 33.
62. Там же. Л. 35.
63. Там же.
64. Камчатская правда. — 1994. — 26 апр.; 24 мая.
65. Пустовит В. П. Поэзия, «Уловы» и свобода // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. — Вып. 10. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 314—321.
66. Камчатский комсомолец. — 1988. — 24 сент.; 1, 7, 15 окт.
67. Магаданский комсомолец. — 1989. — 5, 12, 19, 26 февр.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамова Е. П.** — 206
 Абубукеров — 54
 Агутин — 173
 Адуканов М. — 227
 Аким Я. — 420
 Акинчиц И. А. — 187
 Акишин М. О. — 300
 Аксенов В. — 424, 443
 Акшинский — 153, 213
 Александр I — 332
 Александр II — 339
 Алексей Михайлович, царь — 300
 Алексеев В. И. — 423, 433—435, 442, 450
 Алексеев Ф. — 18
 Алексеева Н. Г. — 272
 Андржеевский В. М. — 358—359
 Андриевич В. К. — 318
 Анисимов (Нестор), свящ. — 157, 159, 171, 284—285, 292
 Аничков Н. — 197
 Анна Иоанновна, имп. — 319—320
 Анкундинов — 28, 43, 46, 48
 Антонов К. Ф. — 235
 Антонов Ф. — 235
 Антропов — 126
 Антиферов — 237
 Арбузов — 48
 Аркашев А. — 324
 Арманд И. — 425
 Арсеньев В. К. — 262
 Артюхин В. И. — 358
 Архангельский А. А. — 170, 196, 200
 Архенгельская А. А. — 196
 Асеев А. И. — 362
 Атласов В. — 242, 268, 277, 300—304, 310
 Афанасьев — 70
 Афанасьев А. А. — 361
Бабенков — 434
 Барагин Е. И. — 197
 Баранов А. А. — 344
 Баранов И. Н. — 447
 Баранов П. — 197
 Баранова В. Г. — 361
 Басов Е. С. — 248, 344
 Батурин И. — 238
 Бахрушин С. В. — 300
 Бачище В. Д. — 422
 Бедный Д. — 140
 Беккерев Г. И. — 247
 Белокопытов П. — 53
 Белопольский — 224
 Бельский С. — 335, 338
 Белый И. — 343
 Беляев Г. Р. — 439, 447—448
 Беляев С. П. — 364
 Бем М. К. — 238—239, 278, 325—326
 Бендриков К. М. — 359
 Беневский А. М. — 238, 325
 Бергман С. — 247
 Бердник П. М. — 445
 Беринг В. Й. — 18, 19, 308, 317—318, 343, 344
 Берия Л. — 436
 Бечевин И. — 344
 Биллингс (Белингс) И. И. — 19, 329, 345
 Битюков — 195
 Бишев Л. — 314
 Бобриков И. И. — 196
 Бобровский С. — 315—316
 Бобряков А. М. — 196
 Бобряков П. М. — 182
 Бобряков С. И. — 182
 Бобрякова А. С. — 187
 Бобрякова В. Г. — 272
 Богатырев — 174
 Богданов А. — 159
 Богоявленский П. Н. — 429
 Бондарев М. В. — 375
 Бондарева Н. А. — 429, 440, 442, 456
 Борисевич — 153
 Борисов В. Г. — 253
 Борисов М. — 317
 Бриль — 325
 Бритченко С. П. — 375, 377
 Брюс — 97
 Бубенцов Г. П. — 438—439
 Бубенцов Л. И. — 429, 437
 Бузин Д. С. — 179, 212
 Бурачек — 337
 Бурлакова З. — 287
 Бурмак — 297
 Бурнатов А. — 210
 Бурнашов — 195
 Бутин И. — 317
 Бухарин Н. И. — 422
 Бухонин И. Н. — 375
 Бучинский Т. И., свящ. — 166, 170, 197, 200

- Бучель — 153
 Бушин — 378
 Бушуев А. С. — 180
Ваганов — 440, 461, 470
 Вальтон В. — 344
 Варсонофий, еписк. — 175
 Васильев — 23, 192
 Васильев Р. С. — 196, 200
 Васильева — 153
 Вачинский — 181
 Вениаминов И. — 240, 243, 279
 Вениаминов С. — 243
 Верещагин К. В. — 197, 200
 Виллье Р. К. — 36
 Винбладт А. — 238
 Виноградов А. Н. — 362
 Витер И. В. — 206
 Водюшкина — 296
 Возный М. В. — 208
 Войт В. К. — 5, 7
 Воловников М. П. — 208
 Волокитин — 224
 Вольский М. П. — 241
 Воронцов — 67
 Ворошилов — 162, 293
 Ворошилов Г. А. — 132, 196
 Ворошилов И. — 188, 196
 Ворошилов К. И. — 1097
 Ворошилов Н. А. — 197, 200
 Ворошилов М. А. — 260
 Ворошилов П. М., свящ. — 166, 170, 178, 182—183, 186, 188, 196
 Ворошилов С. — 182
 Ворошилова К. С. — 180
 Ворошилова П. Д. — 272
 Ворошилова Ф. А. — 186
 Воскобойников В. И. — 245
 Вульф И. П. — 322
Гаврилов — 23, 25, 38, 42, 51, 112
 Гаврилов С. В. — 254
 Гагарин М. П. — 315—316
 Гайсин — 462
 Галкин Г. — 225
 Гарднер В. К. — 196, 216
 Гарднер Е. К. — 196
 Гарднер К. К. — 169, 196
 Гарднер П. К. — 169, 196
 Гез — 79
 Гезехус — 28, 38
 Гек Ф. — 254, 296
 Гильцебах И. — 341, 350
 Глотов С. Г. — 322
 Глушков А. И. — 372
 Гоголь Н. В. — 338
 Голенищев А. В. — 21, 22, 240, 243, 264, 278, 294, 333—334
 Голиковы — 19
 Голованов И. Ф. — 148, 263
 Головачев П. М. — 301
 Головин В. — 268
 Голубев А. К. — 177, 185, 200
 Голыгин И. — 248
 Голыгин И. О. — 242
 Гольденберг Л. А. — 313, 343
 Гончаров Ю. А. — 373
 Гордеев — 292
 Грачев И. И. — 151
 Гребенщиков М. — 301
 Гречко А. — 446—447
 Грибачев Н. — 429
 Григорьев — 148
 Гронский А. М. — 434
 Громов П. — 240, 243, 249, 279
 Гропянов Е. В. — 438, 447, 453
 Губарев — 38, 42, 90, 92
 Гуль Р. — 464
 Гультен Э. — 295
 Гурвич И. С. — 270
 Гуртовенко — 183
 Гусев Г. Н. — 379
Давыдов — 48
 Давыдов П. И. — 423
 Даниил, епископ Охотский (Шерстенников) — 167—169, 171, 174
 Данилов А. — 54
 Данилов А. М. — 290
 Даниэль Ю. — 464
 Делиль И. Н. — 342
 Делиу Г. Л. — 375
 Дементьев — 48, 53
 Демидов В. Я. — 183
 Демидов И. Я. — 179, 181—182, 186
 Демидова М. К. — 273
 Дигай Ф. — 210
 Дитмар К. — 234, 251, 260, 279, 290, 339
 Домбровский И. А. — 374
 Домман А. — 142
 Доний И. П. — 298
 Дрешер А. М. — 376
 Дрюченко Н. Т. — 482
 Дубровин — 153
 Дудинцев В. — 419—420, 452

Дудник Ж. Т. — 376
 Дурасов И. — 343
 Дьяконов К. К. — 377
 Дьяконов С. — 145
 Дюков Е. — 338
 Дюрягин Н. И. — 374
Еврейнов И. — 18
 Евсевий, архиеп. — 171
 Евстафьев Г. — 54
 Евтушенко В. Д. — 374
 Евтушенко Е. — 429, 464
 Егоров — 297
 Егоров А. — 255
 Екатерина II, имп. — 10, 19, 325—326
 Екимцев — 370
 Елагин И. — 344
 Елизавета Петровна, имп. — 13, 19
 Ельчин Я. А. — 311
 Емельянов — 153
 Еременко А. С. — 176, 194, 196, 200
 Еременко В. Т. — 373, 375
 Ерохин М., свящ. — 167
 Ершов А. Н. — 370
 Есауленко К. Е. — 433—434
 Есенин С. — 438
 Ефимов А. В. — 248
Жданов Н. — 317
 Железнов Д. Е. — 153
 Живоглядов А. Б. — 429, 469
 Жидяевский М. А. — 159
 Жилкин — 48, 53
 Жужгов — 151
 Журавский А. П. — 207
Забела Я. Е. — 333—334
 Забелин — 418
 Завойко В. С. — 6, 24, 32, 33, 35, 37, 38, 40, 41, 42, 44, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 59, 63, 64, 72, 73, 76, 78, 83, 260, 295, 336—338
 Завойко Ю. Г. — 6, 83, 86, 290
 Закржевский В. И. — 169
 Заньков К. П. — 375, 377
 Заочный С. П. — 162
 Зарудный М. Н. — 38, 335
 Захарова М. В. — 273
 Зимина В. И. — 272
 Зиновьев — 422
 Зиновьев (Многогрешный) М. — 301, 303—304, 342
 Зубов В. Е. — 327
 Зубрицкий — 324

Иванов Е. — 240
 Иванов К. — 319
 Иванов Л. Т. — 434
 Иванович — 341, 349
 Ивашкин П. Г. — 210
 Ивашкин П. М. — 13
 Игошин М. Н. — 423—424
 Игошин Н. — 417—418, 422, 425—427, 429, 432, 436—438, 441, 446, 473
 Извеков — 324
 Измайлов М. П. — 315
 Изыльметьев — 23, 20, 46, 112
 Ильин — 224, 284
 Ильина Г. А. — 435
 Ильинский В. — 340—341
 Иннокентий — 32
 Иона, иеромонах — 53
Кайсаров — 46
 Какаулин Ф. — 192
 Камеомеа III — 36, 37
 Капитонова Т. Н. — 370
 Карандашев — 52
 Каргопольцев Н. — 166, 170, 196
 Карелин С. — 186
 Карелина М. К. — 186
 Карелина К. — 186
 Карпухин В. И. — 376
 Карякин П. — 317
 Качанов В. — 314
 Качанов Ф. Р. — 302
 Квасов — 251
 Кегель — 242
 Киргизов — 309
 Кириллов А. — 292, 327
 Кириллов И. К. — 315, 342
 Кириченко П. П. — 372
 Киров С. М. — 445, 481
 Кирсанов С. — 419
 Киселев — 44, 364
 Киселев П. Д. — 377
 Кисин А. — 255
 Кияшко А. В. — 196
 Клепиков Г. Н. — 375
 Климовский А. Ф. — 197, 200
 Клочков П. М. — 207, 209
 Клочкова Е. М. — 207
 Княжин В. — 314
 Князев — 224
 Кобелев Т. Р. — 303—304
 Ковалев М. Я. — 198
 Ковалевский — 139

- Коваленко — 185
 Кожедей К. П. — 431—432, 436, 439
 Козловский С. А. — 366—367
 Козырев — 195
 Козырев К. А. — 367, 372
 Козыревский — 237, 312—313
 Кокурин — 153
 Колегин — 295
 Колесниченко В. С. — 359
 Колесниченко Н. Н. — 379
 Колесов В. — 70, 309, 311
 Колесов Н. — 314
 Коллегов Геронтий, свящ. — 166, 196
 Коллегов Григ., свящ. — 166, 200, 241
 Коллегов И. — 279
 Коллегов М. — 53
 Коллонтай А. — 425—426
 Колокольцев — 38
 Колчак А. В. — 209
 Колышкова А. — 464
 Комаров В. Л. — 235, 276
 Конради — 68, 69, 70
 Константин, вел. кн. — 63, 64, 67, 78
 Копытин А. М. — 180—182, 187
 Кораллов — 28, 38, 47
 Корниенко — 154
 Корнилов — 51
 Коробков А. Д. — 452—453
 Коровиков А. — 472
 Коршунов В. К. — 181, 183
 Корякин П. — 317
 Косарев — 224
 Косыгин Е. П. — 125
 Косыгин И. Ин. — 132, 200
 Косыгин И. Н. — 290, 293
 Косыгин М. Н. — 287
 Косыгин Н. — 293
 Косыгин П. — 240
 Косьянюк А. В. — 379
 Котошихин Г. К. — 300
 Коцебу — 23
 Кошелев — 38, 330, 366
 Кошкарев И. — 182
 Кошкарев — 323
 Кравченко Г. Г. — 476—478
 Кравченко В. В. — 445, 470, 476—477
 Крамаренко Г. А. — 280
 Крашенинников С. П. — 237—238, 242, 248, 251, 292, 301, 303, 306, 310 318
 Крепак Н. Е. — 379
 Кривоногова Ф. Н. — 272
 Кривоносов А. — 341
 Кристирсон — 70
 Крогиус Ф. В. — 226
 Крузенштерн И. Ф. — 20
 Крупович А. А. — 359
 Крупская Н. К. — 422, 426
 Кручина В. М. — 211—212
 Крылов П. Н. — 344
 Крынин П. П. — 121, 157, 167
 Кубяк — 164, 193
 Кудяковский П. И. — 374
 Кузмищев П. Ф. — 275, 278, 333
 Кузьмич М. А. — 273
 Кулагин К. В. — 126
 Куницын — 153
 Курдюков — 297
 Куркужскино П. А. — 197
 Курохтина Н. — 468
 Кусков В. П. — 242, 250, 257, 276—277, 283, 285, 294
 Кушин — 93, 337
 Кушковский — 224
Лабонин Л. М. — 379
 Лавренков — 153
 Лагоза А. М. — 298
 Лангсдорф Г. И. — 260
 Ларионов И. Т. — 435, 440, 448
 Ларин Е. Е. — 158, 208—209, 211, 293
 Ласенко Л. — 445, 468
 Лебедев — 323
 Левкин — 156
 Левкович А. — 54
 Левченко С. — 285—286
 Ленин В. И. — 214, 256, 422, 425, 430—431, 442, 480
 Лепетюк А. В. — 442—443
 Лессепс Ж. Б. — 260, 328, 344
 Леццано — 239
 Лисянский М. П. — 20
 Литвинцов — 321
 Литке — 38, 249
 Лихно В. И. — 481
 Логинов А. — 53
 Логинов Г. — 41, 51, 53
 Логинов Г. К. — 197
 Логиновы М. и Г. — 237
 Лонгинов В. Н. — 201
 Лонгинов Н. А. — 197
 Лонгинов Н. К. — 166, 169
 Лонгинов П. В. — 200

- Лоншакова М. А. — 273
 Лосев Н. — 237, 316
 Лохвицкий — 38, 55
 Лузин А. — 316
 Лузин Ф. — 18
 Луценко С. Г. — 377
 Львова С. — 293
 Ляве Я. — 338
Мазур К. И., свящ. — 174, 178—181, 183—184, 187, 196, 201
 Майсурадзе — 359
 Максutow А. П. — 28, 38, 46, 47, 51, 53, 93
 Максutow Д. П. — 23, 25, 26, 28, 38, 51 55, 63
 Малахов А. С. — 97
 Малков И. — 338
 Маловечкин П. С. — 208—209
 Маловечкина Л. С. — 273
 Мальков И.— 143
 Мальцев В. — 181
 Мальцев М. Г. — 182
 Мамрук С. Я.— 126
 Манаев И. Ф. — 197, 201
 Маргаритов В. П. — 304, 311
 Мариманов — 148
 Марков А. И. — 218
 Мартыненко В. П. — 284
 Мартынов — 63, 64, 78, 107, 118
 Мартынюк — 368
 Матусевич А. З. — 363
 Матюшев Ф. А. — 364, 367
 Машихин И. Е. — 196
 Машихина Л. И. — 272
 Медведева М. С. — 478
 Медзыховский В. Ю. — 358
 Мейя — 127, 195
 Меркулов Ф. С. — 376
 Мерлин В. Ф. — 19, 321
 Мироманов — 151
 Миронов И. — 249
 Мирошкин Н. А. — 165, 171, 192
 Мирошкин Н. А. — 197
 Мирошкина А. В. — 197
 Михайлов, мичман — 25, 28, 38, 48, 54
 Михайлов И. К. — 201
 Михайлова А. Г. — 272
 Михайлова Ф. Г. — 186
 Михайловский — 294
 Многогрешный Д. И. — 304
 Можайский — 43, 45
 Моисеев Р. С. — 472
 Моисеенко — 224
 Молодцева Р. — 298
 Молокова М. Н. — 293
 Молотов В. М. — 225
 Морозов И. — 464
 Мравинский — 38
 Муравьев Н. Н. — 32, 51, 52, 55, 60, 63, 65, 66, 68, 73, 335—336
 Мурашко О. — 282
 Мutowин — 91
 Мухин А. Л. — 125
Нагаева С. Б. — 422
 Назимов П. Н. — 31—32, 95, 112
 Науменков В. — 454, 463, 468, 472, 480
 Невельской — 32, 56, 60, 75—77, 82
 Неводчиков М. В. — 249
 Несытов А. И. — 371
 Нечаев В. — 193
 Никифоров Н. — 240
 Никифоров С. — 240
 Николаев — 185, 224
 Николай Павлович, имп. — 93
 Никольский — 224
 Никольсон — 71
 Нилов Г. — 238, 324—325
 Нифонт, свящ. — 137—138, 166, 197
 Новиков Д. В. — 290
 Новограбленный — 51
 Новограбленов П. Т. — 148, 208
 Новокрещенов В. — 464
 Носов А. — 420
Овцын Д. — 133
 Огородников В. А. — 207
 Огрызко — 268, 275, 294
 Ольгин Я. — 335
 Орлов — 291, 297
 Орлов М. А. — 434, 450, 452, 474
 Орлова Е. П. — 274, 289—290
 Осипов — 418
 Осипский — 134—138
 Осьминина Л. — 468—469
 Охапкин П. Г. — 135—137
 Ощепьев М. П. — 165, 201
Павел I, имп. — 19
 Павленко — 153
 Павлуцкий Д. И. — 18, 321
 Павлуцкий И. — 431
 Падерин — 284
 Панов — 148
 Панов В. — 238

- Панов Е. — 235
 Панова А. М. — 235
 Пантелеймон, еписк. — 173
 Пасов — 296
 Передерий П. Т. — 296
 Переяславцев Э. Б. — 367
 Пермякова А. С. — 272
 Перфильев В. В. — 340—341
 Петр I, Великий — 18, 305, 312—315
 Петраш П. Е. — 202
 Петренко — 181—182
 Петриловский А. — 312—314
 Петров В. А. — 162
 Петровский — 330
 Петропавловский В. И. — 373
 Петрук Н. А., свящ. — 174, 196, 202
 Пийп Б. И. — 275, 287
 Пилкин — 48
 Пиль И. А. — 329, 345
 Пименов — 280
 Пинигин К. — 181—183, 202
 Пинигина С. Ф. — 192
 Пинигина Ф. Н. — 272
 Пинчук Ф. Я. — 272
 Пискунов Н. Г. — 378
 Питерс В. — 328
 Питин Н. И. — 374—375
 Плеханов Г. Н. — 375
 Плоткин Л. — 419—420
 Плотников А. Н. — 181
 Плотников М. — 183
 Плотников Н. И. — 180
 Плотников П. А. — 183, 186
 Плотников Ф. П. — 181
 Плотникова Г. М. — 272
 Плотникова М. Г. — 266
 Поваляев Л. Ф. — 379
 Погосов С. Г. — 377—378
 Подпругин В. — 197
 Полевой Б. П. — 242, 277, 302, 303, 313
 Политковский — 66, 68
 Полищук — 135
 Поляков Г. Я. — 373
 Пономарев — 126, 138—139
 Пономарев М. М. — 206—207
 Пономарев С. Т. — 322
 Понятаев — 136, 138
 Попов — 23, 25, 38, 42, 48, 70
 Попов А. — 237
 Попов В. — 54
 Попов В. И. — 377
 Попов Д. А. — 379
 Попов М. — 251
 Пороковы Г. В и Г. Г. — 295
 Портнягин — 324
 Поспелов П. Н. — 422
 Потапов И. Ф. — 181—183, 196
 Потапова Е. Г. — 272
 Прайс — 26, 30, 45, 50, 70, 71
 Привалов Е. М. — 370
 Примаков С. — 159
 Прозоров А. — 249
 Прусаков — 224
 Пуант — 30, 70, 71, 72
 Пурин П. А. — 207
 Пустовит В. П. — 120, 428, 436, 440—442, 445—446, 453, 469—471
 Пустовит П. А. — 433, 435, 446, 450
 Путятин Е. В. — 32, 33, 44, 61, 62, 70, 78
Радченко С. В. — 376
 Радченко С. Ф. — 374
 Раскольников Ф. Ф. — 472
 Ратманов И. А. — 249
 Рейнике Ф. — 239, 278, 325
 Ремезов М. — 266
 Рикорд Л. И. — 21, 84
 Рикорд П. И. — 21, 264, 269, 332
 Розов В. — 424
 Русаков — 156
 Русанов Н. М. — 192
 Русанов П. В. — 197
 Рыжков — 325
 Рыков — 422
 Рябинов И. В. — 237
Сабодаж Н. И. — 374
 Савинский — 195
 Савинский А. В. — 202
 Савинский А. И. — 184
 Савинский Д. Д. — 132
 Савич — 281
 Савченко-Славский М. И. — 209—210
 Сажин Н. Е. — 298
 Саксонов И. Н. — 366
 Самборко С. М. — 197
 Самохвалов — 39
 Сандул Н. — 468
 Саньков А. — 464, 468
 Сарычев Г. А. — 19, 329
 Сарычев И. В. — 335
 Сафронов Ф. Г. — 304
 Сахаров В. А. — 293
 Светлов Ф. М. — 377

- Свиный В. В. — 375
 Святец Н. М. — 372, 382
 Святогор Н. Г. — 375
 Сгибнев А. С. — 237, 239, 249, 260, 278, 301, 315, 324
 Севостьянов В. — 311
 Седовой — 153
 Селиванов — 184
 Селиванов К. Н. — 202
 Селиванова Е. А. — 272
 Семенов — 112, 296
 Семенов В. Е. — 249
 Семенов В. И. — 210
 Сенникова А. М. — 272
 Сепопальникова Е. М. — 192
 Сергеев М. А. — 256, 265
 Серебрянников В. — 324
 Серебрянников В. А. — 197, 202
 Сидорченко В. Ф. — 376
 Сильницкий А. П. — 5, 341, 349
 Симонец И. Н. — 298
 Синаев И. — 182
 Синетов Н. А. — 418
 Синченко — 224
 Синявский А. — 464
 Скалин С. — 319
 Скандраков — 48
 Скорняк С. С. — 197
 Скорняков-Писарев Г. Г. — 319—320
 Скотников В. В. — 452
 Слободчиков Е. И. — 197
 Слободчиков П. — 145
 Слободчиков П. П. — 161
 Словцов П. А. — 277, 301
 Слюнин Н. В. — 240, 268, 301, 314, 325
 Сметанин — 125
 Смирнов И. — 338
 Смирнов В. Н. — 369, 375
 Смоляр В. М. — 377
 Сновидов, свящ. — 138
 Сновидов Г. В. — 197
 Сновидов Н. И. — 197
 Сновидова Е. В. — 197
 Соболев, еписк. — 173
 Соболев — 224
 Соколов К. — 311
 Соколов О. А. — 367
 Соколовская В. — 445, 468
 Солёный А. — 54
 Солженицын А. И. — 427, 472
 Соловарин П. М. — 207
 Соловьев — 224
 Соловьев С. П. — 446, 455—457, 459
 Соловьев С. Ф. — 128, 129, 148
 Сомов А. А. — 19, 330
 Сомов Ф. Ф. — 341, 349
 Соснин — 297
 Соснин Н. Н. — 377
 Сперанский М. М. — 332, 349
 Спылихин — 52, 52
 Срибный А. Л. — 371, 379
 Стадухин М. — 248
 Сталин И. В. — 256, 291, 417, 421, 426, 428
 Станицкий Ф. Е. — 333
 Стеллер Г. В. — 238, 278, 318—319, 321
 Степанов — 70
 Степанов А. — 54
 Степанов В. И. — 361
 Стрелкова О. В. — 293
 Суворовцев — 53
 Судейкин С. — 325
 Сумцов И. — 53
 Сусяк П. Я. — 207
 Суханов А. В. — 341, 349
 Сычев П. Т. — 208
 Сюткина Е. М. — 272—273
Талапиндов — 378
 Танеев В. И. — 474
 Телятьев — 183, 264
 Темнов — 185
 Тереник Л. — 467
 Терехина А. — 461—463, 467—469
 Тимофеев — 54
 Тимофеев Я. — 53
 Тироль — 51
 Титов В. — 464
 Толман О. П. — 272
 Толман Ф. — 125
 Тормасов П. — 53
 Траурнихт Д. А. — 311
 Треска Н. — 311, 317
 Треумова Г. — 481
 Трифанов С. — 317
 Троцкий Л. Д. — 419, 422—423, 442
 Турбаба — 296
 Тучков Е. — 140
 Тюменцев И. — 198
 Тюшов В. Н. — 170, 234, 239, 251, 273, 285, 286, 295
Уманский Ф. С. — 443
 Усов — 44

Уколов В. И. — 374
Укусников П. — 240
Федермейер И. С. — 376
Федоров В. А. — 335
Федоров М. В. — 257
Федоров-Омулевский И. В. — 355
Фесун Н. А. — 6, 25, 26, 42, 43, 47,
48, 49, 53, 54, 94
Филимонов А. — 417—418, 422, 424,
426, 429, 441, 448, 463—464, 467, 474
Филимонов В. — 425—426, 429—430,
467
Филимонова В. Ф. — 429, 463, 467, 472
Филин А. Н. — 362
Финогенов А. И. — 736
Фишер — 264
Флетчер — 280
Фомин М. К. — 298
Фондезин В. П. и М. П. — 345
Фролов Н. Л. — 451—452
Фролов Н. П. — 148, 209
Хабаров Е. — 312
Хабаров Н. И. — 196—197
Халитов — 54
Харитонов И. — 315
Харчук Г. И. — 126
Хатаевич — 443
Хачиян Б. С. — 361
Хитрово — 67, 68
Ходаковский В. Н. — 400
Холодилов Ф. — 324
Холодов Н. В. — 208
Хромовский — 52
Хрущев Н. С. — 417, 421, 428, 435,
439, 450—451, 469, 477
Худенко Г. А. — 196
Чаплин П. А. — 237, 343
Чаплинский А. Г. — 206
Чарков — 294
Чередов В. — 323
Чередов Ф. — 323
Черкашина А. — 461
Чернеев А. А. — 378, 398
Черноштан А. Е. — 474
Чернышева Е. Д. — 272
Черняев П. С. — 368, 372
Чириков А. И. — 19
Чихачев — 112
Чмыхалов — 182
Чувин Г. Д. — 382
Чуковский К. И. — 427

Чумак С. С. — 371
Шабанов Л. Д. — 366
Шапошников А. — 324
Шаргаев В. А. — 480—481
Шарыпов — 112
Шаталина Е. Х. — 132
Шаталов В. С. — 244, 250, 276, 286
Шаталов Н. Н. — 247
Шаторин Г. Г. — 374
Шахов Я. И. — 240, 335
Шевцов — 295
Шелихов Г. И. — 19, 328—329, 344
Шемаева З. А. — 192
Шендрик Н. И. — 476
Шепатин М. А. — 366
Шепетько В. Н. — 376
Шерстенников П. К. — 185, 202
Шестаков — 18
Шигаев (Шагаев) Д. А. — 202
Шикер — 236
Шилов Г. И. — 298
Шипицин А., свящ. — 166, 196
Шипицын А. А. — 196
Шипицын В. А. — 196
Шмалев Т. — 238, 278
Шмидт П. Ю. — 261
Шпагин И. А. — 131, 165
Шпанберг М. П. — 19, 344
Штейнгель В. И. — 328, 345
Штейнгель И. Г. — 328
Щегорин — 170
Щегорин Ф. М. — 196
Щепоткин Ю. А. — 426
Щербаков Б. И. — 400
Щербачев А. — 323
Эмбер — 79
Эренбург И. — 428, 464
Югов — 323
Юрьев К. — 162
Юрьев С. — 287
Юхно — 124, 184
Юхнович — 264
Яблоков — 40
Яковенко П. П. — 359
Яковлев Л. Я. (о. Леонтий) — 131, 132,
163, 165—166, 171—177, 183, 185,
194, 196, 202
Яковлев П. — 276
Ярославский Е. — 140
Ярославцев Я. — 310
Яшин А. — 421